

*одна неделя. любая поза.
никаких обязательств.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

vk.com/kn_books

НЕНАСЫТНЫЙ

Дж. Д. Хоккинс

Предполагалось, что все будет просто: ускоренным методом я обучаю ее получать удовольствие. Никакой привязанности. Никаких обязательств.

Теперь она нашла идеального парня — и это не я.

Мне следует двигаться дальше, но я нуждаюсь в ней. А я никогда не отказываюсь от борьбы.

Теперь у меня остался последний урок для нее...

Я собираюсь сделать ее своей.

НЕНАСЫТНЫЙ 2

Автор: Дж. Д. Хокинс

Рейтинг: 18+

Серия: Ненасытный #2 (про одних героев)

Главы: 10 глав

Переводчик: Юлия М.

Редакторы: Оля З, Таня П.

Вычитка и оформление: Натали И.

Обложка: Таня П.

Глава 1

Джакс

Говорят, чем ты больше, тем больше падать. Ну, когда это касалось женщин, я был чертовым гигантом. Но когда дело дошло до Лиззи, я упал, и это реально чертовски больно.

Лишь чуть больше недели назад я трахал больше женщин, чем любой парень из службы эскорта. Я заставлял девушек кончать так сильно, что им требовалось несколько недель для того, чтобы прийти в себя. Я воплощал фантазии, о существовании которых они даже не подозревали. Я был утонченно одетым шаманом, который мог вытряхнуть все проблемы из них. Опасным наркотиком, который заставлял их дрожать и сильнее потеть.

Теперь я сижу в кабинке заведения, которое раньше было моим любимым баром, уставившись на дно пустого стакана от виски. Интересно, когда все пошло не так, как надо? Когда слова Джони Митчелл «Что имеем не храним, потерявши плачем» доносятся из барной акустической системы, я осознаю наверняка две вещи: первая — я нахожусь в баре так долго, что уже давно никто не танцует, и вторая — Вселенная абсолютно точно поимела меня.

Разве судьба не сука? Черт, если кто и заслуживает этого, так это я. Я был очень плохим парнем в течение очень долгого времени.

Говорят, дьявол приходит в образе красивой женщины, и я чертовски уверен, что встречал нескольких из них. Девушки, которые трахались так, будто не были уверены: пойти со мной или убить меня. Женщины с таким пожирающим взглядом, что могли трахнуть тебя

одними лишь глазами через всю комнату. Женщины, которые были в курсе всевозможных сексуальных предпочтений, известных мужчинам, и некоторые из них только для определенного круга мужчин.

Но я никогда не думал, что Лиззи станет той, кто на самом деле уничтожит меня. Она, как предполагалось, не относилась к *таким* девушкам. У нее большие карие глаза и дурацкое чувство юмора. Ей требуется несколько напитков, чтобы отправиться танцевать. Она была абсолютно скромной и невинной, пока я не заполучил ее в свою постель.

Мне следовало догадаться, что Лиззи станет проблемой, когда она попросила меня обучить ее трахаться. Ну, я, вероятно, проделал чертовски хорошую работу, поскольку прямо сейчас у меня такое чувство, будто вся Вселенная только что поимела меня.

Лиззи продемонстрировала мне результат проделанной работы, подставив щеку, когда я подошел, чтобы поцеловать ее в губы. «Надеюсь, что мы останемся друзьями», «Тебе бы он понравился» и «Это было удивительно». Дерьмо. Бог, очевидно, дал мужчинам члены, но он действительно перестарался, когда дал женщинам власть над нашими эмоциями.

Как его зовут? Джон? Джим? Джекэсс? Джеймс. Познакомилась с ним в продуктовом магазине и нашла общий язык. Знаю, во мне говорит выпитый виски, но я *хотел бы* встретиться с этим парнем. Я хотел бы вежливо попросить его отправиться в путешествие на другой континент, и, если он откажется, ударить его так сильно, чтобы он очнулся там в любом случае. Кем этот парень себя возомнил?

Лиззи предназначалась для меня. Конечно, я фактически никогда не *встречался* ни с кем. Неделя ежедневного (и еженочного) траханья, которую я провел с Лиззи, вероятно, представляет собой самые долгие отношения, которые когда-либо на самом деле у меня были. И да, вам не надо быть психологом, чтобы понять: я вполне вероятно желаю «долго и счастливо», хотя и жил раньше по принципу «никаких обязательств, никаких привязанностей». И вот почему это является самым сильным ударом по яйцам с тех пор, как ревнивая бывшая любовница, на сообщения которой я не отвечал несколько месяцев, поймала меня, целующимся на автостоянке с моделью компании Victoria's Secret.

Я был готов измениться. Готов попробовать «встречаться» и понять, вокруг чего вся эта суета. Но только с Лиззи. Она достаточно сексуальная, забавная и умная, чтобы заставить меня желать не упускать шанса.

Вместо этого она встретила кого-то еще как раз в то самое время, когда я собирался признаться ей. Сразу после того, как я обучил ее, сделав лучшей гребаной любовницей во всем ЛА.

— Ты удачливый сукин сын, Джеймс, — говорю я, поднимая бокал в сторону пустующего бара, и после этого допиваю остатки виски.

Спустя мгновение бармен оказывается около меня.

— Джакс? — удивляется он, будто я только что появился из ниоткуда. — Я никогда не видел тебя здесь в такое время. Что-то случилось? Где твоя?..

Я прерываю вопрос, прежде чем он успевает закончить его:

— Это долгая история. Сделай мне еще виски.

Он качает головой, словно вышибала перед парнем в плохой обуви.

— Уже два часа ночи. Больше никакого алкоголя. Могу предложить «Кока-колу» или что-нибудь еще, что скажешь?

— А можешь добавить немного виски в «Кока-колу»? — спрашиваю я, подняв палец к губам и дотрагиваясь им носа. И вдруг до меня доходит, как же до смерти я опустошен.

В очередной раз бармен качает головой, но в этот раз он похож на мать, разочарованную плохими оценками своего ребенка.

— Прости, мужик. Ты точно в порядке? Могу вызвать тебе такси.

— Мне. Просто. Необходима. Выпивка, — с трудом выговариваю я. Вы подумали бы, что я говорю на другом языке, если бы увидели, каким взглядом он смотрит на меня.

— Вволю выпивки в моем заведении, — доносится хриплый голос где-то неподалеку от бармена.

Сначала кажется, что у меня двоится в глазах, но затем я слегка прищуриваюсь и вижу высокую рыжую девушку, стоящую рядом с ним, — ту самую женщину, которую я отшил на прошлой неделе, когда привел сюда потанцевать Лиззи. Одна из моих былых ночей.

Бармен уходит, а я медленно изучаю фигуру рыжей.

Она относится к тому типу женщин, которые поедают мужчин на завтрак, и им это не противно. У нее прекрасные изгибы, очерченные облегающим черным платьем. Хотя у него и неглубокое декольте, оно не может скрыть эти великолепные сиськи. Можно увидеть каждое притягивающее взгляд покачивание, поскольку они изо всех сил пытаются высвободиться.

Такое тело ты не сможешь сотворить при помощи спортзала. Оно ваялось огромным количеством свирепого секса, сопровождавшегося потягиванием волос. Мой взгляд путешествует по изгибам ее тела, настолько потрясающим, что они вызывают у меня головокружение, прежде чем я встречаюсь с пристальным взглядом ее зеленых глаз. Именно так смотрят голодные хищники, когда замечают свою добычу.

Я пытаюсь вызвать в голове воспоминания о randevу с этой женщиной, но ничего не получается. Ни имени, ни предположения о том, где она живет или чем занимается. Однако, взглянув на нее сейчас, с уверенностью могу сказать, что она несколько старше, чем обычные двадцатилетние девушки в баре. Достаточно взрослая, чтобы иметь несколько козырей в рукаве, но достаточно молодая, чтобы все еще быть в состоянии воспользоваться ими. И скажу честно, я всегда был равнодушен к женщинам постарше, поскольку мне нравятся уверенные в своих действиях и не пугающиеся моих пристрастий, но, с другой стороны, я равнодушен к любой женщине, которая может надеть такое платье. Несмотря на свою неспособность вспомнить эту рыженькую, полагаю, что если она вернулась для чего-то большего, то это будет беспроектный вариант для заполнения душевной пустоты во мне.

Голова кружится, и мне хочется свалить это на энное количество выпитого виски с тех пор, как Лиззи встала и ушла приблизительно полночи назад.

— Это приглашение? — произношу я невнятно, пытаюсь пробудить хоть какую-то сексуальную энергию, несмотря на ощущение пустоты внутри.

Она слегка склоняется ко мне, и я замечаю вишнево-красные губы — самые сексуальные губы, которые только видел с тех пор... ну, лишь у Лиззи.

— Это предложение, — отвечает она таким хриплым голосом, который, кажется, предназначается для того, чтобы по моему телу пронеслась дрожь прямо к яйцам.

В данный момент большинство парней стали бы оглядываться в поисках скрытых камер. Большинство парней были бы на полпути к уходу отсюда прямо сейчас. Большинство мужчин постарались бы припомнить каждое движение, которое когда-либо видели в порнофильмах, в надежде удовлетворить эту потрясающую задницу.

Что до меня, то я пытаюсь перестать думать о том, чем прямо сейчас занимается Лиззи,

чтобы погрузиться в данный момент и оттрахать эту женщину именно так, как она умело просит. И учитывая, что это наша не первая встреча, и то, что она уже знакома с моим продвинутым уровнем сексуальных предпочтений, знаю, что на меня имеются большие надежды, которые необходимо оправдать.

— Люблю хорошие сделки, — говорю я, выбираясь из кабинки с менее свойственной мне грациозностью, обнимаю ее за талию и направляюсь к выходу.

— Кстати, меня зовут Джакс, если ты не помнишь...

— Валери, — мурлычет она мне на ухо, хотя мы оба понимаем, что это лишь формальность. Завтра я забуду ее имя, точно так же, как и на утро после того раза, когда мы осквернили ту кабинку в туалете. Однако же, давно это было.

— Но я и так знаю твое имя, — говорит она. — Как я могла забыть его?

Мысленно я переношусь в ту ночь, в тот момент, когда эта женщина выкрикивала мое имя достаточно громко, чтобы в туалет ворвалась служба безопасности и выгнала нас из бара. Я ожидал охранников, прерывающих наш акт, но в следующее мгновение оказался двери и вместо пинка под задницу, получил хлопок по плечу и рукопожатия от вышибал, службы безопасности и, конечно, моего любимого бармена. Просто очередная бредовая история в копилку легенд о Джаксе Уайлдере.

Валери идет рядом и вырывает меня из воспоминаний обратно в настоящее, нарочно подталкивая, чтобы я смог почувствовать упругость ее задницы. Я чувствую аромат ее духов, но он настолько слабый, что можно ощутить феромоны ее возбуждения.

— Моя машина там, — говорит она, указывая на «Порш» неподалеку.

— Хороший вкус.

Валери оглядывает меня с головы до ног.

— Всегда, — шепчет она.

Когда мы подходим к машине, я начинаю слегка нервничать. Не потому, что у этой женщины походка еще сексуальнее, чем у стриптизерши во время выступления. Не потому, что она предлагает мне лучшее в моей жизни — это обыденное в моем случае.

А потому, что я просто плыву по течению.

Дело не в виски, не во внезапности ситуации и определенно не в женщине — я просто не в настроении.

Я сбит с толку и делаю то, что естественно для меня. Я хватаю эту Валери и целую. Наши влажные языки трахают горячие рты друг друга. Моя грудь прикасается к этим восхитительным сиськам, и я прижимаю ее к боковому окну «Порше». Руками хватаю и сжимаю эту великолепную задницу. Она закидывает ногу мне на бедро, и я грубо провожу рукой по ее загорелому телу.

Внезапно ощущаю, что становлюсь прежним. Словно кровь наконец-то в очередной раз проносится по моему телу. Мои мышцы начинают напрягаться, будто потерянная сила обратно приливает к ним. Член оживает, становясь таким твердым, что мои брюки изо всех сил пытаются удержать его в узде. Я похож на рассерженного Халка, на Франкенштейна после заряда электричества, на оборотня в полнолуние — я вернулся.

Но затем я открываю глаза и вижу, что это не Лиззи, и вновь становлюсь выпившим, неспособным говорить внятно человеком, да еще и в голове творится черт знает что. Я слегка отстраняюсь, и Валери это замечает.

— Что не так?

Нацепив на лицо свою фирменную понимающую ухмылку, хотя сейчас для этого

требуется немного больше усилий, я говорю:

— Единственное, что не так, это насколько сексуально твое тело.

И съеживаюсь после этих слов — даже мои собственные подкаты не звучат так, как надо. Однако девушка улыбается, и мы садимся в машину.

Прежде чем я это осознаю, мы уже гоним под сто тридцать километров по улицам ЛА. Если Валери трахается так же, как водит, то мы достигнем нашего места назначения быстрее, чем обычно, и с высокой угрозой получения травмы.

— Я не сводила с тебя глаз всю ночь, — говорит она. Ее пальцы соскальзывают с руля так небрежно, что мы едва успеваем объехать выбоину на дороге, и наши тела соприкасаются. — Такие парни, как ты, обычно не торчат в барах в такое время.

— Так же, как и такие девушки, как ты, — в ответ говорю ей.

— Знаю, ты строил из себя неприступного на прошлой неделе, но я могу быть довольно терпеливой... или нет, — говорит она, дотянувшись рукой до моей промежности. — Я сделаю все возможное, чтобы заполучить то, что хочу.

Не уверен, что она обнаружит там, но я могу думать лишь о Лиззи, о том, где она, с кем и чем занимается с ним.

Внезапно Валери хмурится и поворачивается ко мне.

— Ты настолько пьян?

— Просто требуется какое-то время, чтобы в некоторых случаях настроиться, — отвечаю я. Сегодня я говорю такое, что никогда и подумать не мог произнести. Должно быть, это уже пик.

— Ну, тогда давай посмотрим, сможем ли мы слегка ускорить процесс, да?

Она вдавливая педаль газа в пол еще сильнее в своей обуви на высоких каблуках, и в то же время умудряется расстегнуть молнию на моих брюках — полагаю, именно это имеют в виду, когда говорят, что женщины способны выполнять несколько дел одновременно. Пока автомобильный двигатель рычит и ревет, а огни ЛА превращаются в расплывчатую абстрактную картинку в моем опьяненном зрении, я чувствую, как ее опытные пальцы дразнят и поглаживают, пытаюсь возбудить мой член.

— Боже мой, — говорю я, когда она щекочет и дразнит мои яйца. — Вот так, прямо здесь. Чуть сильнее. Хорошо. Черт, так хорошо, Лиззи. По всей длине, Лиззи.

Вдруг у меня такое чувство, словно грузовой поезд только что врезался мне в спину. Автомобиль тормозит всего за пару секунд. Я так резко подаюсь вперед, что ударюсь головой о приборную панель, и мелкий значок немецкого качества на бардачке отпечатывается у меня на лбу.

Валери поворачивается ко мне, и ее взгляд больше не похож на взгляд голодного хищника — теперь он полон злости.

— *Лиззи?* Я сказала тебе свое имя сорок секунд назад.

Я скептически смотрю на нее, да еще и голова раскалывается.

— Кого волнуют имена? Лиззи — моя... собака. Честно.

Она качает головой и указывает на улицу.

— Это чересчур странно. Выметайся, — блокировка двери отключается, и Валери сильным рывком отстегивает мой ремень безопасности.

— Какого черта?! Я даже не знаю, где нахожусь!

— Мне плевать. Следовало догадаться, что с тобой что-то не так. Только неудачники остаются в баре до трех ночи. Выметайся!

Я вновь собираюсь оправдываться, но в этот момент она проявляет гибкость, которую мне никогда не придется в полной мере использовать в своих интересах, поднимает ногу и тычет высоким каблуком мне в бедро.

— Черт! Ай!

— Выметайся! — требует она, выталкивая меня из машины, будто прогоняет енотов из своих мусорных баков.

Я открываю дверь и падаю на жесткий асфальт.

Валери последний раз одаривает меня своим взглядом, затем качает головой и говорит:

— Сообщи, когда уладишь свое дерьмо.

После чего газует на «Порше» во мглу ночи, словно пытается побить рекорд гоночного круга.

Я встаю на ноги, сжимая руками свою раскалывающуюся от боли голову, и проверяю одежду на себе.

Так вот какво это, падать свысока и оказаться с обмякшим членом на случайной улице ЛА. Значит, все именно так у нормальных людей? Они теряют рассудок из-за женщин, с которыми не могут быть? Оказываются в одиночестве и неудовлетворенными в конце ночи? Не зная, что, черт возьми, они собираются делать с пустотой в глубине души?

Уход Лиззи разрушил меня, но неужели вместе с ней исчезло и все мое обаяние? Это чертовски ужасающе.

Глава 2

Лиззи

Когда выхожу из автомобиля и направляюсь на работу, я замечаю, что все улыбаются мне. И только когда вхожу в лифт, осознаю, что у меня у самой улыбка до ушей, словно кто-то нарисовал ее на моем лице. На самом деле, я улыбаюсь с того момента, как проснулась рано утром. Все деньги на замену разбитых будильников на еще более громкие и более раздражающие модели потрачены впустую. Оказывается, для того, чтобы проснуться и не чувствовать себя подобно потревоженному трупу, мне необходима была всего лишь веская причина для пробуждения.

Теперь она определенно у меня есть — его зовут Джеймс, и с тех пор, как мы вчера познакомились, я чувствую себя на седьмом небе от счастья.

Пробуждение ранним утром имеет еще множество плюсов. У меня появляется возможность избежать очередей в «Старбаксе», я могу потратить время на выбор наряда (а не, как обычно, надеть последнюю примеренную вещь, поскольку мне уже необходимо выходить), а самое главное — не нужно опасаться встречи с бывшим парнем, Броуди, в лифте.

Этим утром единственный человек в лифте — Линда, моя коллега в PR-агентстве. В ее то почти сорок лет она довольно стройная женщина. Но, хотя и выглядит хорошо для своего возраста, ее циничное выражение лица вызывает у меня ощущение, что она едва сдерживается, чтобы не поведать мне трагическую историю о том, как она почти покорила Голливуд.

— Доброе утро, Линда, — улыбаюсь я, стараясь не звучать раздражающе веселой, но полностью терплю неудачу в этом.

— Почему ты так лучезарно улыбаешься? — спрашивает она, словно кто-нибудь арестует меня за это. — Улыбка вроде этой может означать только две вещи. Либо ты познакомилась с милым парнем, либо стала веровать в Бога. А я не вижу, что ты носишь крестик.

Я слегка смеюсь.

— Я расскажу тебе об этом за ланчем.

— Нет необходимости, этот взгляд уже ясно дал мне все понять.

Двери лифта открываются, и мы входим в офис.

— В любом случае, ты не обедаешь сегодня, — говорит она, направляясь в другую сторону офиса, — у босса какие-то планы на тебя.

Я хмурюсь, находясь в замешательстве пару секунд, но затем направляюсь к своему рабочему месту. А потом улыбка возвращается на мое лицо, хотя я и пытаюсь скрыть ее — меня собираются назначить на проект компании по производству зубной пасты, если я своевременно справлюсь с заданием.

Так вот, значит, какова жизнь нормальных людей? Нет необходимости иметь дело с жестокими парнями, которые относятся к тебе, как к очередному этапу в их жизнях? А просто ухватываешься за каждую возможность, выпадающую на твоём пути? Ходишь на работу, встречаешься с хорошим парнем, люди улыбаются тебе в ответ, да и просто прекрасно проводишь время? Если это так, то единственное, о чем я сожалею, это о том, что мне потребовалось так много времени, чтобы осознать это.

Звонит телефон, и когда я вижу, что это Джеймс, моя улыбка становится еще шире. Не так уж много парней, которые позвонили бы так скоро после свидания — а с Джеймсом мы виделись только вчера. Я не знаю, почему, но, возможно, большинство девушек приняли бы это за настойчивость и проявление власти. Лично мне нравится это — в моей жизни было слишком много игр и отговорок, так что честность и мужество в том, чтобы позвонить сразу же на следующий день после свидания, именно то, что мне нужно.

— Привет, младшая лига.

— Привет, слэм-данк, — отвечает Джеймс. *(Примеч. слэм-данк — бросок в кольцо в баскетболе, при котором игрок прыгает прямо из-под кольца, держа мяч в одной или двух руках, зависает в воздухе и заколачивает мяч в корзину сверху. В переносном значении означает беспроязвительный вариант).*

В свободное время Джеймс тренирует команду младшей лиги; я люблю смотреть баскетбольные матчи, поедая мороженое... вам просто необходимо побывать там.

— Я прекрасно провел время прошлым вечером, — говорит он, и я слегка краснею. — Я так много узнал о тонкостях соотношения цветов.

У меня существует целая история по этому поводу. Вам просто нужно быть в теме, чтобы понять.

— Ну, ты же понимаешь, что мы затронули лишь небольшую часть, — хихикаю я.

— Ох, конечно, — смеется он в ответ. — Я тут подумал, может быть, мы продолжим лекцию сегодня вечером за ужином?

Я прекрасно понимаю, что мне следует сказать «нет». Не знаю почему, но любая подруга и каждая книга о свиданиях, тщательно пролистанная мною в книжном магазине, гласит: «удерживать их заинтересованность, проще говоря, строить из себя недотрогу». Хотя, знаете, что? К черту все советы. Как я и сказала, больше никаких игр и отговорок.

— Заманчиво. Заберешь меня в семь? — говорю я, сияя от радости.

— Тогда увидимся в семь. Ты уже знаешь, чего хочешь? Или тебе необходимо время, чтобы подумать?

На долю секунды я меняюсь в лице. Я имею в виду, что знаю, Джеймс относится к тому типу людей, которым необходимо прийти к определенному решению, но не ожидала, что этот разговор произойдет вот так...

— Я имею в виду на ужин, — продолжает Джеймс.

— Ох! — говорю я со слишком явной ноткой облегчения. — Что-нибудь вкусное. Удиви меня.

— Тогда до скорой встречи, МакФлай.

— Пока, Арни.

Я сказала Джеймсу, что «Назад в будущее» был первым фильмом, который я когда-либо... а знаете, что? Забудьте.

Следующие двадцать минут я вновь прокручиваю в голове нашу с ним вчерашнюю оживленную беседу, делая вид, что работаю. Я снова смеюсь над шутками Джеймса и радуюсь своей умиротворенной и счастливой стороне, которая, кажется, начинает проявляться, когда он рядом.

Я запросто могла бы заниматься этим весь рабочий день, но мне приходит смс.

От Джакса.

Если тебе когда-нибудь потребуется улучшить свое умение трахаться, я все еще смогу унять это непреодолимое желание.

Мои щеки с застенчивым бледно-розовым румянцем превращаются в смущенно-красные. Если мысли о Джеймсе вызывают теплоту в сердце, то размышления о Джаксе заставляют меня гореть в местах чуть ниже. Я всего лишь увидела его имя на телефоне, а у меня уже перехватывает дыхание и покалывает между бедер.

Всего за одну неделю Джакс заставил меня ощутить себя женщиной намного больше, чем за всю мою жизнь. Он трахал меня всеми возможными способами, о которых я даже и не подозревала. Никогда даже не смела и мечтать о том, что смогу чувствовать себя так невероятно.

Это не был просто секс — хотя один только секс был судьбоносным опытом — все дело в нем. Само ощущение себя желанной, осознание того, что тебя оценили по достоинству, заставило меня понять, что я на самом деле сексуальная, уверенная женщина, которой по силам командовать, а не мириться со всяким дерьмом.

Не буду лгать, скоростной автомобиль, удивительный дом и дорогое нижнее белье тоже сыграли в этом немаловажную роль.

В любом случае, Джакс слишком хорош. Я начала видеть в нем надежного и верного человека. Стала видеть в нем того, с кем могла бы встречаться.

Но Джакс определенно не тот парень, с которым вы захотите встречаться.

Он — бабник. Джакс относится к тому типу парней, которые, едва закончив заниматься

сексом с одной девушкой, уже планируют свои действия по охмурению другой. Он не может пройтись по оживленной улице, не наткнувшись, по крайней мере, на несколько своих бывших «завоеваний». Все в нем словно кричит: «Лучшая поездка вашей жизни!». И, как и на большинстве опасных аттракционов, вам станет плохо, если будете кататься на них слишком долго.

Мне повезло, что я вовремя это поняла. Еще где-то два умопомрачительных секса и один разговор в баре, и у меня появились бы более сильные чувства к нему. Беру свои слова обратно, я уже что-то испытываю к нему. Мне просто необходимо убедиться, что это дружеские чувства, а не романтические.

Встреча с Джеймсом все упростила. Он, скорее всего, появился в самый подходящий момент. Милый, забавный, добрый. Он не слишком уверен, что подходит мне, но зато достаточно уверен в том, что я могу прекрасно себя чувствовать рядом с ним. Он отвечает всем требованиям «хорошего парня», и если не окажется серийным убийцей, то, думаю, может стать тем самым идеальным парнем. Тем, с кем у меня могут завязаться настоящие отношения.

В принципе, он относится к тому типу мужчин, кого я могу познакомить с мамой. Джакс же помешан на сексе, поэтому я побоялась бы представить его любой женщине, находящейся поблизости.

Нет. Джеймс — мой лучший вариант для чего-то хорошего, стабильного и наполненного любовью. Так что мне остается только свести бедра вместе, когда я задумываюсь о том, что может предложить мне Джакс, и искать, чем бы заняться в реальности, а не погружаться в мысли о том, что могло бы произойти, если бы наша одежда снова оказалась снятой.

— Элизабет?

Я поворачиваюсь на звук своего имени. Это Линда зовет меня.

— Помнишь ту встречу с боссом, о которой я упоминала?

— Да.

— Он хочет видеть тебя прямо сейчас.

Я встаю.

— По какому поводу?

— Полагаю, он собирается сказать, чтобы ты прекратила улыбаться, поскольку это дестабилизирует моральный дух рабочего коллектива.

Я смеюсь и направляюсь к большому угловому кабинету.

Уэсли Уорнера называют огромным количеством прозвищ множество людей. Номер один в том списке — Джекилл и Хайд. Он один из тех огромных парней с таким спокойным выражением лица и с такой дружелюбной и постоянной привычкой смеяться, что в его обществе чувствуешь себя прекрасно. Однако пробудите его плохую сторону, и появляется ощущение, словно он становится еще больше, и его голос уже звучит подобно взрыву бомбы. Настолько громко, что у людей на других этажах трясутся на столах канцелярские принадлежности.

Это происходит не часто — в прошлый раз он разозлился на кого-то приблизительно год назад — но это стало прямо-таки легендарным событием и вынудило каждого ходить некоторое время на цыпочках перед ним. Ах, и еще никто не забывает о его дне рождения. Даже уборщицы.

— Лиззи! — приветливо говорит он, как только я вхожу. Его объятия раскрыты так

широко, что выглядят как демонстрация размаха крыльев самолета. — Присаживайся.

— Здравствуй, мистер Уорнер.

Как только я сажусь, Уорнер сразу же встает и подходит к большому окну. Он недолго рассматривает улицу, а затем начинает говорить:

— Ты интересный работник, Лиззи.

Интересный? Это не то, что я ожидала услышать.

— Я?

Уорнер кивает, и, замечая мое растерянное выражение лица, смеется. Признаю, это приятный смех. Я смеюсь в ответ.

— Да не нервничай ты так! Я знаю твой тип. Ты не видишь смысла в повседневной веренице электронных писем, документов и всего этого барахла. Тебе быстро становится скучно. Ты изо всех сил стараешься найти смысл в текущем режиме работы.

О, Боже, он заметил мою сексуальную переписку с Джексом? Или кокетливые телефонные разговоры с Джеймсом? Или то, что мои глаза слипаются после трех часов дня?

— Это не...

Уорнер заставляет меня замолчать, подняв ладонь, которая прекрасно заменила бы ракетку для игры в теннис.

— Ты — творческая личность, — говорит он, указывая на меня. — Тебе необходимо немного свободы, чтобы успешно развиваться. Тебе нужен собственный проект, чтобы продемонстрировать, на что ты способна. Ведь так?

Я слегка киваю.

— На самом деле... думаю, да.

— Хорошо, — говорит он, снова садясь, — у меня есть подходящий вариант. Он очень важен, но в то же время довольно прост. Тебя заинтересовало?

— Конечно!

— Прекрасно! — говорит он, гордо улыбаясь, словно я его дочь, которая только что сказала, что любит рыбачить. — Мы организуем масштабный благотворительный вечер, очень достойный проект. Я отправлю тебе детали. Однако, у нас неурядица с местом проведения. Нам нужно что-то не из этого мира. Нечто совершенно удивительное. Людям скучно посещать одни и те же заведения для подобных событий — это делает все мероприятие немного... предсказуемым. Я хочу что-то новое, неизведанное. Место, которое превознесет эту вечеринку!

Я киваю на протяжении всей речи Уорнера.

— Я точно знаю, что делать, мистер Уорнер, — он приподнимает бровь. — Поручите это мне, и у меня будет несколько предложений уже к завтрашнему дню.

— Замечательно! — говорит Уорнер, слегка смеясь для привлечения внимания. — Я знал, что ты идеально подходишь для этого задания. И с нетерпением жду предложений!

Вернувшись к своему рабочему месту и удостоверившись, что никто не обращает на меня внимания, я смотрю в небо и одними губами говорю «спасибо». Вселенная словно протягивает на ладони новые возможности для меня.

Несколько секунд спустя я жду, пока Джекс ответит на звонок.

— Привет, — говорит он немного хриплым голосом.

— Привет, Джекс! Ты сейчас свободен? Я хочу поговорить с тобой.

Несколько секунд он молчит.

— Как скоро ты сможешь подъехать?

— Двадцать минут, — отвечаю я с энтузиазмом. Ничего себе, это было легче, чем я думала.

— Тогда до скорой встречи.

Когда я добираюсь до дома Джакса, то почти бегу от машины к его входной двери. Я сжимаю бумаги, на которых распечатаны детали проведения благотворительного вечера, и на полпути они вылетают у меня из рук.

— Черт!

— Давай помогу, — говорит Джакс, появляясь из ниоткуда.

Как только бумаги собраны, Джакс улыбается мне той самой улыбкой, которая наводит вас на мысль, будто он знает нечто, неизвестное вам — обычно это означает, что он собирается трахнуть вас.

— Рад тебя видеть, — говорит он, и мы целуем друг друга в щеку.

Джакс все еще удерживает меня вместо того, чтобы отстраниться, и я ощущаю, как его теплое дыхание проносится по моей шее. Я слегка отталкиваю его, хотя некоторые части моего тела оживают и жаждут большего.

— На самом деле, я здесь не для этого, — говорю я, поскольку он озадаченно смотрит на меня — такой взгляд редко появляется на его лице. — Я здесь по делу.

Джакс вновь улыбается.

— Я всегда смешиваю бизнес с удовольствием.

— Что это у тебя на голове? — спрашиваю я, замечая странную красную отметину на его лбу.

Джакс слегка смущается — еще один взгляд, который явно ему не к лицу.

— Хмм... ничего. Попал в небольшую аварию. Пойдем в дом?

Я следую за Джаксом, и в очередной раз поражаюсь красоте этого дома. Я рада, что решила обратиться к нему. И истинная причина моего визита почти отвлекает меня от воспоминаний о сексе, произошедшем тут... почти.

— Что-нибудь выпьешь? — спрашивает Джакс.

— Нет, спасибо. Я приехала лишь попросить тебя об одолжении.

— Что случилось?

Я кладу бумаги на журнальный столик, и мы садимся на диван. Всего несколько дней назад Джакс наблюдал, как я мастурбирую на этом диване с вибратором, который он мне дал. Хотя днем все и выглядит иначе, мне требуется полная концентрация внимания, чтобы не думать о том, как сильно я кончила, и как он встал на колени между моих ног и...

— Мы организуем благотворительный вечер, — начинаю я, откашлявшись, — примерно на триста — пятьсот человек — необычных личностей. Они относятся к тому типу людей, которые умирают от скуки на обычных благотворительных вечерах и делают пожертвования лишь в пользу чего-то особенного. И вот тут мне необходима твоя помощь.

Джакс кивает, но я вижу, как он рассматривает меня с головы до ног, мысленно представляя мое тело во всех позициях, которые ему по душе. Я бы хотела, чтобы мне показалось это оскорбительным, чтобы я почувствовала себя застенчивой. Мне бы хотелось, чтобы это не заводило меня...

— Ты уверен, что все в порядке? — спрашиваю я, кивая на красный след на его лбу в надежде, что это остудит наш с ним пыл. От меня не ускользает тот факт, что Джакс выглядит все так же чертовски сексуально, и этот странный ушиб добавляет шарма выдающейся красоте этого мужчины.

Джакс облакачивается на спинку дивана, беспечно вздыхая.

— Так ты нуждаешься в потрясающем месте для проведения мероприятия, это ты пытаешься сказать? Вероятно, в особняке?

— Да!

— Большом и необычном, но в то же время сексуальном и захватывающем дух.

— Точно подмечено.

Я рада, что он ничего не усложняет. Некоторые парни ведут себя как придурки после разрыва отношений с женщиной, но, к счастью, Джакс не играет в эти игры. Мы на самом деле друзья. Если только это не уловка, чтобы заставить меня врасплох и вынудить быть должной ему. Эта мысль зарождается у меня в подсознании, но я пытаюсь выкинуть ее из головы.

Он потирает подбородок и задумывается на мгновение.

— Вообще-то мы как раз заканчиваем строительство одного места, которое идеально подходит под это описание.

Джакс видит, что мои глаза начинают сиять, и кардинально меняется: его сексуальная улыбка превращается в удовлетворенную.

— Подожди немного, — говорит он, а затем покидает комнату и возвращается несколько минут спустя с фотографиями, демонстрирующими одно из самых потрясающих зданий, которое мне когда-либо посчастливилось видеть.

— Боже мой! Оно идеально! — я визжу как школьница, получившая пони на Рождество.

— Все почти готово. Мы еще дорабатываем некоторые детали — электричество, интерьер. Для благотворительного вечера мы с легкостью можем соорудить что-нибудь изящное. Уже увидела, какой там задний двор?

— Это идеальное место для сцены, — с энтузиазмом выпаливаю я.

— Полностью согласен.

Пока я просматриваю фотографии, Джакс сидит всего в нескольких сантиметрах от меня. Я пытаюсь списать все на волнение, бурлящее в моих венах, на восторг от увиденного здания, но аромат его одеколona и то, как он положил руку на спинку дивана позади меня, оказывают на меня гораздо большее влияние.

— Я могу одолжить эти фотографии?

— Конечно.

Я встаю и подхожу к окну, наслаждаясь потрясающим видом. Но что-то до сих пор гнетет меня — возможно, вероятность того, что Джакс играет со мной.

— Знаешь, — говорю я, пытаюсь разрушить подтекст, который продолжает таиться каждый раз в молчании между нами, — я была в твоём доме и провела так много времени с тобой. А теперь мы собираемся сотрудничать в организации этого благотворительного вечера, но у меня все равно такое ощущение, что ты остаешься абсолютной загадкой. Расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю о тебе. Я хочу почувствовать, что мы друзья. Словно мы больше, чем просто... ну, ты знаешь.

Джакс смеется и поудобнее располагает свое загорелое тело на диване.

— Тебе стоит лишь спросить, — говорит он с улыбкой.

Я оглядываюсь на него, улыбаясь в ответ и до сих пор стараясь избавиться от чувства, что меня снова затягивает в его ловушку.

— Ну, как прошло твоё детство?

Руки Джакса напрягаются, и он наклоняется вперед, тяжело выдыхая, словно я только

что ударила его в живот.

— Хмм... тяжело.

Я ожидаю дальнейшего объяснения, но Джакс просто улыбается.

— Тяжко? Что именно ты подразумеваешь под этим словом? «Тяжко», поскольку слуга всегда забывал гладить твои носки, или «тяжко» из-за того, что на твой день рождения тебе подарили не ту модель «Мерседеса»?

Джакс смеется.

— Больше похоже на того рода «тяжко», когда живешь, питаешься только картошкой и тунцом круглый год.

— Ты был бедным?

Джакс кивает.

— В основном, да. Папа был строителем. Большую часть жизни он тратил на поиски работы то тут, то там, а остальную — на пьянку, чтобы забыть о том, как это тяжело. Мы довольно часто скитались по всей стране, просто следуя за ним и надеясь, что он заработает достаточно, чтобы арендовать что-нибудь получше трейлера и, возможно, приобрести что-нибудь крутое в секонд-хэнде. Он был умным парнем; отец мог починить или построить что угодно. Я многому у него научился. Но у него была зависимость, присущая его личности — почти каждый мужчина в нашей семье имеет ее.

— Мне кажется, я догадываюсь, что это за зависимость, — я улыбаюсь, хотя то, как Джакс смотрит в окно, вызывает во мне желание обнять его. Я всколыхнула слишком давние воспоминания и вижу, как ему некомфортно. *Так, Лиззи, медленно выведи его из этого состояния.* — А что насчет твоей мамы?

Теперь Джакс светится, и это искренне.

— Она была суперженщиной. Именно такой я ее видел. Имея только банку кукурузы и рис, она могла приготовить их так вкусно, что ты посчитала бы это лучшим блюдом, которое когда-либо пробовала. Зашить одежду так аккуратно, что с легкостью можно пристыдить некоторых портных, к которым я сейчас обращаюсь. Но в то же время и дать чертов отпор. Можешь спросить любого нашего домовладельца.

Я вижу любовь в глазах Джакса, чуткость, которую никогда раньше не видела — и которую, уверена, он никому просто не показывает.

— У тебя есть братья или сестры? — продолжаю я, стараясь удержать его на этом более позитивном ходе мыслей.

— У меня был старший брат, — говорит он монотонным голосом.

Могу сказать, что это отнюдь не счастливые воспоминания, но мое любопытство берет вверх. И дело не только в любопытстве. Просто так получилось, что мне никогда раньше не доводилось видеть Джакса таким уязвимым. И я не хочу идти на попятную.

— Что произошло?

Джакс закрывает глаза и откидывает голову на спинку дивана.

— Умер. Он был наркоманом, сколько я себя помню. Это пристрастие стубило его, — он поднимает голову и смотрит на меня, пытаясь добавить немного легкости в свой голос, но, с точностью могу сказать, для него это невероятная схватка с самим собой. — Виной тому даже не сами наркотики. Полицейский застрелил его при попытке украсть чей-то телевизор. Ну, так бывает.

— Боже мой, Джакс, — говорю я, сажусь рядом с ним на диван и кладу руку ему на плечо, — это ужасно.

— Эй, это жизнь, — говорит он, прочистив горло, — но это очень изменило меня... изменило нас всех.

Я пытаюсь придумать хоть что-нибудь, что сможет вытянуть его из этой темной пучины воспоминаний, в которую он, кажется, погрузился.

— Могу себе представить.

— После смерти брата отец завязал с выпивкой... не полностью, но достаточно, чтобы суметь устроиться на работу в Калифорнии. У нас появилось больше денег, поскольку здесь было огромное количество рабочих мест. Неожиданно я смог пойти в школу, стал ездить на каникулы в Европу. Я видел многих людей, совершающих ошибки, и для меня стало почти невозможным повторять те же самые. Папа всегда говорил, что жизнь несправедлива. Что некоторым людям приходится работать в десять раз усерднее, быть в десять раз лучше, чтобы получить то, чего они заслуживают. Он сказал, что мы относимся именно к такому типу людей. Для него это был предлог, чтобы опустить руки, для меня же, наоборот, это стало поводом, чтобы стать в десять раз лучше.

— Так вот какова история? Классическая сказка превращения бедняка в богача?

— Это не так легко, как в сказках. Я мог бы рассказать тебе столько подробностей, сколько твоей душе угодно. Я мог бы утомить тебя историями о трех работах на неполный рабочий день, на которые мне пришлось устроиться, чтобы платить за колледж. Или о том времени, когда отец сорвался, а я только начал свой бизнес. Или даже о том, что мне пришлось спать с библиотекаршей, чтобы ночами она позволяла пользоваться компьютером для подготовки к конкурсу по дизайну — на самом деле я не стал бы посвящать тебя в подробности о последнем. Она была... довольно приставучей.

Опечаленная возникшей между нами напряженностью, я встаю и подхожу к окну, оглядываясь на Джакса лишь на несколько секунд. У меня такое ощущение, что, заставив его обнажить свою душу, я лишь растерзала его сердце и теперь наблюдаю, как оно истекает кровью. Я никак не ожидала, что в его прошлом так много боли, и, хотя мне хочется исправить всю эту ситуацию, знаю, что это не в моих силах.

К счастью, Джакс ощущает мой дискомфорт и помогает мне — как и всегда. Он отодвигает грусть на задний план, будто снимает пиджак, и снова ехидно улыбается. Его глаза сияют, а тело принимает более расслабленную позу, к которой я намного больше привыкла.

— Так, хватит обо мне... как у тебя дела с Джоном?

Вполне достаточно одного поддразнивания, чтобы заставить меня снова улыбаться.

— С Джеймсом.

— Да, Джеймс.

Я прикусываю губу. Джакс замечает это и тихо смеется.

— Эй, никакой странности в этом нет, ладно? Мы друзья. Здесь нет никакого подтекста. Я просто спрашиваю. Вроде как мы просто играем в двадцать вопросов, — он снова улыбается.

Я слегка киваю, расслабляясь.

— Ну, если честно, все складывается замечательно. Мы, кстати, ужинаем сегодня, и он мне на самом деле нравится. Я имею в виду, очень нравится. Просто вау. Такое ощущение, что... это может вылиться, ну, знаешь, во что-то постоянное. Долгосрочное.

Что-то мелькает в глазах Джакса, а затем он отводит взгляд, и его улыбка становится еще шире. Его, вероятно, забавляет моя инфантильная взбалмошность, или он просто

считает, что я веду себя абсурдно, относясь так серьезно к парню, с которым только недавно познакомилась. Но он так не думал бы, если бы знал, какой Джеймс потрясающий. Он точно понял бы, почему я так себя веду.

— Это невероятно. Итак, ты уже готова начать семейную жизнь с этим парнем?

Я смеюсь.

— Не знаю насчет семейной жизни. Пока мы просто встречаемся.

Джакс пожимает плечами.

— Напитки прошлой ночью, ужин сегодня. Выглядит так, будто парень знает, чего он хочет.

— Так и есть, — соглашаюсь я. Еще одна черта, которая мне безумно нравится в Джеймсе.

— Такие парни обычно также знают, чего они не хотят. Так что будь осторожна.

Я слегка хмурюсь. Джакс заставляет меня немного нервничать.

— Что ты имеешь в виду?

— Забудь.

— Нет, скажи мне.

Джакс пожимает плечами и недолго осматривает комнату, после чего снова встречается со мной взглядом.

— Мы же друзья? Это просто дружеский совет. Я знаю парней. Я хорошо разбираюсь в женщинах, но мужчин понимаю еще лучше. Те парни, что активно действуют, как правило также быстро теряют интерес. Джеймс кажется хорошим парнем, а у хороших парней существуют свои ожидания.

Джакс сжимает мое плечо, словно только что сообщил мне самые худшие новости, и не существует никакой надежды что-то исправить. Но это не должно быть так. Он может помочь мне понять, разобраться в намерениях Джеймса. Прежде, чем я совершу ошибку. Прежде, чем все испорчу.

— Какие ожидания?

— Я лишь говорю, что, когда дело доходит до секса, все довольно просто. Ты даешь, получаешь взамен, и вы прекрасно проводите время. Это может быть хорошо или плохо, но в какой-то момент все заканчивается. Когда дело доходит до серьезных отношений... ну, существует множество способов все испортить. Если этот парень так хорош, как ты говоришь, то убедись, что не облажаешься.

Я упорно смотрю в лицо Джаксу и понимаю, что, хоть мне и хотелось бы опровергнуть его слова, он говорит правду. Но по какой-то причине я не могу спросить его совета. Кажется, будет несправедливо с моей стороны просить о еще большей помощи, когда он и так уже много сделал.

— В любом случае, — продолжает он, — оставь мне детали по благотворительному вечеру. Я отправлю информацию об объекте, как только смогу.

— Спасибо, — говорю я, а затем разворачиваюсь и направляюсь к выходу, хотя каждая частичка меня жаждет остаться. И дело не в том, что я нуждаюсь в его помощи, или что мне нравится быть рядом с ним. Мне ненавистна сама мысль оставить его здесь в одиночестве, когда он открыл свою душу, и, возможно, прямо здесь и сейчас тоже нуждается во мне. И пока я борюсь с сомнениями, он пристально смотрит на меня.

— Тебе лучше вернуться на работу, — напоминает он мне.

Черт, он прав. Его рука находится на ручке входной двери, он открывает ее и бережно

выводит меня на улицу, положив ладонь на мою поясницу.

— Ладно, еще раз спасибо.

— Было приятно снова увидеться.

— Мне тоже.

Усевшись в машину, я бросаю фотографии на сиденье и устремляю свой взор на холмы Лос-Анджелеса, погружившись в раздумья. Я привыкла к Джаксу. К его жестокой, прямолинейной честности. К тому, что не могу испортить отношения с ним. С Джаком легко.

Я предполагала, что с Джеймсом будет так же просто, но теперь начинаю задумываться над всем происходящим. Мы только вчера познакомились и болтали лишь о глупостях. Единственное, что я знаю о нем, так это то, насколько он потрясающий. У него же я ассоциируюсь лишь с девушкой, несущей всякую чушь. Что произойдет, когда все станет более серьезным? Неужели я облажаюсь?

В конце концов, видимо, все не так просто, как кажется.

Глава 3

Джакс

Говорят, время летит, когда тебе весело, но оно имеет свойство замедляться, когда все наоборот. Этот день начался с того, что Лиззи явилась ко мне домой с просьбой помочь ей с местом для проведения благотворительного вечера, и с тех пор я больше так ничего и не сделал. Я едва заметил, как пролетело время. Трудно что-либо заметить, когда занят тем, что смотришь в окно, как французский актер, и ходишь по пустому дому, словно потерялся в незнакомом городе.

Знаю, это очень плохой знак: на часах уже половина первого дня, а я все еще лежу в постели, уставившись в потолок и задумавшись над тем, кто из нас начнет первым двигаться дальше.

Я полностью погружен в тишину, поэтому, когда звонит телефон, мои барабанные перепонки чуть не лопаются от его звука. Я переворачиваюсь и быстро хватаю трубку — не потому, что ожидаю хороших новостей, а потому, что мне хочется поскорее покончить с разговором и продолжить хандрить.

— Джакс! — кричит Люси, прежде чем я успеваю даже поздороваться. — Где тебя черти носят?! Ты не появляешься на стройке уже два дня, а она почти закончена! Ты ждешь, что я одна справлюсь со всем, пока ты валяешься в кровати и жалеешь себя?

— Я не...

— И кто такой этот Билли, который говорит мне об использовании собственности

Дентона для благотворительного вечера? Почему у меня такое ощущение, что я выполняю всю работу, но, в то же время, узнаю обо всем самая последняя?

— Это...

— Тащи сюда свою задницу, Джакс. Сейчас же!

— Я...

На этот раз меня прерывает сигнал — Люси бросила трубку.

Я бросаю телефон на другую сторону кровати, переворачиваюсь на спину и взвешиваю возможные варианты. Можно поехать на стройку и чувствовать себя отвратительно, выслушивая недовольные крики Люси, а можно остаться здесь и продолжить хандрить, ожидая появления Люси, которая ворвется в дом и отрежет мои яйца кухонным ножом.

Значение права выбора недооценивают, скажу я вам.

Час спустя я за рулем своего «Феррари» на дороге, ведущей к новой стройке. Хорошие новости — мое покраснение на лбу исчезло, плохие — я планировал использовать его в качестве главного оправдания при противостоянии с Люси.

Паркуюсь перед входом, глушу двигатель и несколько секунд просто сижу не двигаясь. В центрах медитации говорят: создать свое «счастливое место». Для большинства людей это место, где они никогда не были: пляж Карибского моря, буддистский храм в Азии, водопад в Африке. Для меня мое счастливое место прямо здесь — на водительском сиденье моего «Феррари».

Я делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь насладиться последними мгновениями в своем «счастливом месте», прежде чем мне придется противостоять всему миру. Но вдруг слышу, как кто-то стучит по двери автомобиля. Я поворачиваюсь и вижу, как вьющиеся локоны Люси свисают через окно с водительской стороны, обрамляя ее лицо, на котором четко читается невысказанная фраза: «черт возьми, наконец-то».

Выхожу из машины и, хотя я на несколько сантиметров выше, чем мой заместитель, складывается такое ощущение, словно она может растоптать меня своими конверсами.

Но внезапно происходит чудо. Вместо того, чтобы устроить мне полный разнос в стиле Люси, она смеется. Качает головой и смеется. Я проверяю лоб, но знаю наверняка, что красная отметина исчезла.

— Что? Что смешного?

— Я так и знала! Я не из тех людей, которые ненавидят напоминать, что «я же тебе говорила». Мне прямо-таки очень нравится это произносить. Я. Же. Тебе. Говорила.

— Говорила мне что?

— Та девушка станет проблемой.

Люси регулярно поражает меня своими невероятными способностями. Иногда она такая умная, что даже пугает. Но прямо сейчас Люси практически чертов телепат, и от этого я испытываю странные чувства.

— Как ты...

Она хватает меня за руку и указывает в направлении здания, желая, чтобы я шел и

говорил одновременно.

— Обо всей договоренности, рассказанной тобою мне? Об «Обучить хорошо трахаться»? Я говорила, что это выйдет тебе боком, и считала, что, по крайней мере, стоит подождать окончания строительства.

Я совсем забыл, что рассказал ей об этом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну, что касается ситуаций, «выходящих из-под контроля», суть в том, что обычно никто не ожидает такого исхода.

— Я ожидала, — она указывает на колонну, удерживающую балкон на боковой части здания. — Сантос беспокоится, что эти колонны не выстоят при сильном землетрясении.

— Я нанял Сантоса за его навыки в области сантехники, а не инженерии. Эти колонны не предназначены быть несущими, поэтому я заказал их из специального материала, благодаря которому они, как предполагается, *амортизируют*. И почему, черт побери, ты ожидаешь, что произойдет что-то подобное?

— Я сказала Сантосу, что у тебя найдется ответ вроде этого, — говорит Люси, пока что-то печатает в своем планшете, а затем тянет меня вдоль боковой части здания на задний двор. — Да ладно тебе, Джакс. Это неизбежно. Ни при каких условиях подобное не заканчивается хорошо. Тебе придется принять решение по поводу террасы около этого бассейна. Мы обстригаем или оставляем все, как есть?

— Это последняя в мире вещь, которая могла быть неизбежной. Это так далеко от неизбежности, что почти невозможно, — отвечаю я. — И мы оставляем все в таком виде. Как только садовники приступят к работе, все преобразится.

Люси смотрит на меня, и по выражению ее лица видно, что она едва сдерживает смех.

— Далеко от неизбежности? Джакс. Ты спал с этой женщиной всю неделю с явной целью заставить ее почувствовать себя настолько замечательно, насколько это возможно. Конечно, стоило ожидать, что она влюбится в тебя. И теперь у тебя появилась еще одна психопатка на твою голову, верно? Ох, бедный, бедный малыш. Ты уже получил судебный запрет?

Я засовываю руки в карманы и шаркаю ногами, как школьник, пойманный с поличным за какую-то шалость. Не могу встретиться с ее пристальным взглядом.

— Подожди. Ведь именно так произошло, да? — спрашивает Люси, заметив мою реакцию.

— Не совсем.

— Я почти боюсь спрашивать, но... тогда что не так?

Я не могу даже взглянуть на Люси, когда произношу эти слова:

— Она... встретила другого парня.

— Ого! — кричит Люси так громко, что рабочие, находящиеся у окон с видом на задний двор, поворачиваются к нам. — Подожди, подожди минутку. Я... Но... Ладно. У меня к тебе столько вопросов прямо сейчас, что я вынуждена начать их записывать.

— По поводу той конструкции... — говорю я, отчаянно желая сменить тему разговора.

— О, нет! Это может подождать! Сначала я хочу узнать, кто этот другой парень.

Я пытаюсь увильнуть от ответа, но взгляд Люси удерживает меня на месте. Она похожа на полицейского, готового избить меня, если я не признаюсь в подробностях.

— Никто. Она просто встретила какого-то парня в продуктовом магазине...

— Ха!

Я сверлю ее взглядом. К ее чести, она натягивает на лицо полуправдоподобное выражение обеспокоенности.

— Прости, Джакс, продолжай.

— Его зовут Джеймс. Судя по всему, она увлеклась им. И полагаю, они уже встречаются, поскольку Лиззи сказала, что наша «договоренность» закончилась. Вот и все.

Люси так сильно улыбается, словно я только что поведал ей самую забавную историю, которую она когда-либо слышала.

— Я даже боюсь спрашивать, почему тебя это так волнует?

— Она мне нравится.

Люси разворачивается на все триста шестьдесят градусов, словно ищет свидетелей.

— Черт побери! Кто-нибудь, вручите этой женщине медаль! Она укротила величайшего Казанову ЛА! Повторяю, главный плейбой Западного побережья под каблуком!

— Да, да, — говорю я, позволяя Люси разбавить ее ежедневную рутину новостями за мой счет. — Я серьезно. Она потрясающая. Поверь, уж я-то точно меньше всего ожидал такого исхода. Даже когда пытаюсь, то все равно не могу оставаться заинтересованным в большинстве девушек дольше, чем несколько дней, но Лиззи...

— Заставляет тебя чувствовать себя потерянным щенком.

— Отчасти...

— Именно так ты выглядишь. Господи. Мне практически хочется встретиться с этой женщиной, чтобы она поделилась со мной волшебным зельем, которое использует.

— Это не волшебство. Она просто очень сексуальна и мила. И настоящая. И в то же время со своими заморочками, но именно это интригует. В ней есть *внутренняя энергия*, понимаешь? Чем ближе ты к ней, тем сильнее чувствуешь...

— Ладно, ладно. Избавь меня от романтических сонетов. Боже. Полагаю, это она хочет устроить благотворительный вечер, да? Поскольку это единственное, что, кажется, тебя сейчас интересует...

— Правда ли, что эти колонны разрушатся при землетрясении? — я безошибочно узнаю голос, прерывающий Люси. Это вульгарное урчащее мурлыканье, придающее словам звучание джипа, проезжающего по песку. Миссис Дентон — последний человек, которого мне хочется видеть прямо сейчас.

— Джеки! — говорит Люси, оборачиваясь. Ее взору предстает женщина, одетая в настолько броские и обтягивающие джинсы, что не возникает никаких сомнений: они куплены в детском отделе магазина Bloomingdale's. Внимание Жаклин полностью сосредоточено на мне, и за ее ресницами, напоминающими Венерину мухоловку (*Прим. — хищное растение, состоящее из двух движущихся створок, на поверхности каждой створки можно увидеть длинные и упругие щетинки*), я вижу испепеляющий блеск глаз. Меня ожидают неприятности.

— Нет, с ними все в порядке, Джеки. Я как раз разговаривал с Люси об этом. Мы использовали специальное вещество для бетона, что означает...

— Я хочу еще одну колонну, — прерывает она. — Я не собираюсь рисковать тем, что дом упадет в море, просто потому, что вы предпочитаете *минимализм*. Я ненавижу минимализм. И зовите меня Жаклин, а лучше миссис Дентон. Не Джеки.

Она проговаривает эти слова так, будто надеется, что они разорвут меня на кусочки. Отчасти это срабатывает — Жаклин вполне пугающая, когда не пытается быть милой.

— Джеки... простите, миссис Дентон... еще одна колонна нарушит симметрию фасада.

Вдобавок ко всему, колонны, которые я использовал, специально разработаны для того, чтобы как можно меньше загораживать вид, открывающийся изнутри здания. Еще одна колонна испортит...

— Простите, — Жаклин/миссис Дентон/эта испорченная сучка с двумя огромными силиконовыми буферами произносит это с такой интонацией, что язвительность в ее насмешливом тоне способна затопить город. — Ты планируешь жить в этом доме? Мне казалось, что я.

Люси смотрит то на меня, то на миссис Дентон, пытаюсь понять суть этого странного противостояния между Жаклин и мной. С уверенностью могу сказать, что она вот-вот наорет на Жаклин за ее хамство, но перебранка — это не то, с чем я сейчас хочу иметь дело. Только если это не включает в себя Лиззи, немного сливок и меня.

— Мне сделают новую колонну через несколько дней, — смягчаюсь я.

— Прекрасно, — говорит Джеки, и это звучит почти как ворчание борца, когда он перебрасывает чье-нибудь тело через себя. — А что насчет террасы... когда все будет подстрижено?

— Она, как предполагается, останется такой. Это разнообразит пейзаж. Как только садовники посадят...

— Нет. Нет, нет, нет. Мне решать, что садовники сделают со двором. Я хочу, чтобы эту террасу подстригли.

— Ты... — начинает Люси, но я быстро прерываю ее.

— Конечно. Я сделаю и это в течение нескольких дней.

— Хм, — говорит Джеки. Именно так делают женщины, когда, ничего не сказав по сути, хотят, чтобы последнее слово осталось за ними. Она задирает подбородок, перебрасывает свои платиново-блондинистые волосы через плечо и уходит; ее каблук оставляют следы в траве, как небольшие отбойные молотки.

Люси в упор смотрит на меня.

— Что, черт побери, только что здесь произошло?

Я вздыхаю и снова шаркаю носком обуви — это определенно становится моим «жестом дня».

— Она подкатывала ко мне на днях. Я отказал ей. С ее стороны, кажется, возникла неприязнь.

Люси качает головой.

— Я предполагала такой исход. Я знала, что это случится, как только заметила, как ее сиськи перемещаются за тобой в любом направлении. Но какого черта ты позволяешь ей вот так легко сесть тебе на шею? Это твой дизайн, Джакс. Ты выбрал эту работу из-за свободы действий, а теперь позволяешь этой... *девке* указывать тебе.

Я пожимаю плечами.

— А что мне прикажешь делать? Она точно не относится к тому типу женщин, которые с легкостью уступают.

Люси хватается за рубашку, словно собирается ударить.

— Хватит! Тебе лучше пришить свои яйца обратно и как можно скорее, Джакс, иначе эта женщина разрушит весь проект. Сегодня это еще одна колонна, завтра она заставит нас перекрасить дом в розовый цвет и придать новый вид окну, чтобы оно стало похоже на ее лабрадудля. (*Примеч. лабрадудль — порода собак, созданная путем скрещивания лабрадора-ретривера и пуделя*).

Я вглядываюсь в глаза Люси, но несмотря на все попытки соответствовать ее пылкому негодованию, ей видно, что я — сломленный мужчина. Она отпускает меня.

— Черт, тебе действительно хреново, да?

Я снова пожимаю плечами. Это означает «да».

— Послушай, Джакс. Итак, Лиззи увлеклась кем-то еще. Так походи к ней и покажи, что ты единственный подходящий ей парень. А что вместо этого делаешь ты? Злишься, что она не связала с тобой свое долгосрочное будущее после того, как вы несколько раз трахнулись? Добро пожаловать в реальный мир, дружище! Если ты хочешь чего-то продолжительного, то должен работать над этим. Нельзя ожидать, что все это упадет к твоим ногам только потому, что ты носишь прекрасный костюм и обладаешь необходимыми для флирта навыками.

Но единственное, что я из этого услышал: «походи к ней и покажи, что ты единственный подходящий ей парень». Возможно, Люси права.

— Ты не думаешь, что уже слишком поздно?

— Она *совсем недавно* познакомилась с этим парнем! Прямо сейчас девушка, вероятно, все еще размышляет о том, стоит ли ей переспать с ним, не говоря уже о мыслях по поводу дальнейших отношений. Конечно, еще не слишком поздно.

Я стою не двигаясь, все еще смотря на Люси. Она не говорит напрямую, но ее пристальный взгляд побуждает меня к действиям. Такой взгляд Люси может заставить тебя сделать и почувствовать все, что угодно.

— Чего ты ждешь? — спрашивает она, ощущая, что достучалась до меня. — Иди и найди ее, поговори уже наконец-то с ней, а я останусь и организую строительство этой глупой ненужной колонны. Искренне надеюсь, что при следующей нашей встрече ты разберешься со всем своим дерьмом.

— Спасибо, Люси, — говорю я, чувствуя себя так, будто мне под силу покорить мир, и ощущая прилив энергии от настойчивости в ее голосе, мотивирующей меня действовать немедленно.

Сажусь в «Феррари» и слышу ее крик.

— Ты так и не рассказал мне ничего об этом чертовом благотворительном вечере!

Я машу рукой ей на прощанье. Некоторые вещи важнее, чем работа.

Возвращение милой сексуальной задницы Лиззи как раз и является приоритетом.

Не знаю, подходящий ли это навык, но когда я на самом деле чего-то хочу, то знаю, где это найти. Выезжаю на «Феррари» со стройплощадки, и мой мозг сразу начинает работать, как у студента, готовящегося к экзамену по математике. Сейчас время ланча, рабочий день, значит, Лиззи, скорее всего, где-то обедает. А поскольку она относится к тому типу женщин, которые любят хорошо покушать, но не может уйти далеко от работы, то мне в голову приходит примерно полдюжины мест, где она может находиться.

Если бы преступления совершались чаще всего красивыми женщинами, у меня, вероятно, был бы шанс стать детективом. Я проверяю второй по очереди бар и замечаю сидящую в нем Лиззи.

А затем замечаю парня рядом с ней.

Делаю глубокий вдох, паркую автомобиль и направляюсь внутрь. Он может быть просто коллегой или мужчиной-другом. Подойдя чуть ближе, сразу понимаю, что это не так. У него «этот взгляд». Положение тела говорит о чем-то среднем между сосредоточенным вниманием и старательной крутостью. Его глаза сфокусированы на ней, словно он волнуется, что что-то упустит. Он ест свою еду маленькими кусочками, будто обедает с президентом.

Самое худшее во всем этом? У нее точно «такой же взгляд».

У меня такое ощущение, словно два тяжеловеса тянут мое тело в противоположных направлениях. Один из них говорит мне вернуться в машину, отправиться домой и хандрить по поводу того, что я упускаю. Другой (который больше похож на Люси) говорит мне идти напролом и вернуть Лиззи.

Люси побеждает. Люси всегда побеждает.

Я прохожу мимо столов, и чем ближе подхожу к месту назначения, тем сильнее ощущаю, как прилив прежней уверенности проносится по моему телу. Отчасти виной тому намерение заполучить то, чего я желаю, но, в основном, все дело в Лиззи, которая выглядит такой чертовски сексуальной — я даже удивлен, что поблизости не произошло ни одного дорожно-транспортного происшествия.

В поле моего зрения опять попадают ее стройные ноги, наполовину прикрытые кремовой юбкой — и это все попало бы в разряд голливудской обольстительности, если бы Голливуд снимал порно. Ее белая майка относится к тому типу вещей, которые, вероятно, вы видите на сотне девушек каждый день; но об этой майке, я уверен, вы подумаете дважды, когда увидите, как она облегает ее изгибы. Ее сиськи настолько потрясающие, что наверняка заставили подумать о внедрении имплантатов больше женщин, чем их гуляющих мужей — даже в ЛА. Просто сидя тут, она выглядит так, словно над ней работала команда визажистов, группа по освещению и спецэффектам в течение нескольких часов. Глядя на нее, испытываешь желание отправиться на поиски приключений. Каждый ее изгиб приводит вас к чему-то великолепному — к тому, что жаждешь сфотографировать и показать друзьям. Я уже и забыл обо всем траханье, что у нас было — оно кажется банальным по сравнению с новым безобразием, которое я исполню с ней. Я будто снова вижу ее впервые. Не говоря уже о воспоминаниях, проносящихся в голове: начиная от восхитительного смеха, глупых шуток, бескомпромиссного подхода ко всему и заканчивая задиристой неуступчивостью в словесных баталиях на всем протяжении нашего эксперимента. Люси права. Еще ничего не закончено.

Лиззи замечает меня, и, как только я подхожу совсем близко, ее глаза загораются. Эти насыщенно-розовые губы расплываются в улыбке — я хочу снова испробовать ее на вкус.

— Джакс! Привет!

— Привет, — говорю я, удивляясь, как ровно звучит мой голос в присутствии Лиззи. — У тебя обеденный перерыв?

— Да. Ох, это Джеймс. Парень, о котором я тебе рассказывала.

— Привет, — говорит он, отводя наконец-то взгляд от идеальных скул Лиззи, чтобы посмотреть, откуда раздался голос.

Мне бы хотелось описать вам, как выглядит Джеймс. Мне бы хотелось рассказать вам о его отличительных чертах. Но дело в том, что, глядя на него, я не могу подобрать ему определение. Лучшее, что приходит на ум: «он — мягкотелый бесхребетник».

Точно. Джеймс — обычный красавчик. На вид незапоминающийся, тривиальный, со своими изъянами (как ни крути), милый парень, которых полно в этом мире. На его лице прямо-таки написано, что он — тот самый, «устраивающий скучные званые ужины и возящийся с детишками». Выглядит так, будто для него опустошить бутылку вина однажды вечером — это своего рода приключение. Джеймс выглядит уж слишком нежным мальчиком, даже для героя самого унылого фильма всех времен. Даже нахождение рядом с Лиззи не играет ему на руку.

Всего от одного взгляда на него я чувствую себя так, словно забираю Лиззи не только потому, что безумно ее желаю, но и потому, что этот парень недостаточно хорош для нее. Со стороны это выглядит, словно подарок гоночного автомобиля пенсионеру. Я, черт побери, *спасу* ее.

— Приятно познакомиться, — говорю я, противореча всем своим мыслям. — Лиззи много рассказывала о тебе.

— Надеюсь, только хорошее, — он улыбается, слегка хихикая.

— Да, удивительно положительное, — говорю я. Интересно, поймет ли Лиззи намек.

— Откуда вы знаете друг друга? — спрашивает Джеймс с наивной искренностью мужчины, который реально не осознает, что такие сексуальные люди, как я и Лиззи, всегда знакомы друг с другом на довольно-таки интимном уровне.

— Гмм... — начинает Лиззи, теребя одежду и краснея, поскольку пытается придумать приемлемое объяснение, которое не оказалось бы абсолютной ложью.

— Я — архитектор, — говорю я, спасая ее от взволнованного заикания, — и помогаю Лиззи организовать место для проведения мероприятия.

— Ох! — говорит Джеймс, и на долю секунды я понимаю, почему Лиззи нравится этот парень. Все эмоции сразу же проявляются на его лице. Это довольно просто, когда ваш эмоциональный диапазон так же невинен и ограничен, как у монахини. — Звучит интересно.

— Да. Джек помогает мне, — говорит Лиззи, в ее голосе слышится облегчение.

— Ну, хотелось бы задержаться, но я должен вернуться на работу. Так что оставляю вас, ребята, обсудить ваши дела, — говорит Джеймс, вставая. — Было очень приятно познакомиться с тобой, Джек.

Он пожимает мне руку, а затем я вижу кое-что, что пугает меня сильнее, чем джинсы с заниженной талией. Он наклоняется к Лиззи и целует ее. В губы. У меня на глазах. Я даже вижу, каким образом закрываются ее глаза — она делает так, когда наслаждается чем-то. За долю секунды глубоко внутри меня что-то вспыхивает. Это похоже на яростный порыв, похороненный в человеке с тех пор, как он впервые завязал с наркотиками. Я хочу ударить его по лицу. Целовать мою девушку прямо передо мной?

Черт. Только вот Лиззи не моя девушка.

Во всяком случае, пока.

Джеймс уходит, а я стараюсь стереть из памяти тот образ, который только что был перед моими глазами, в очередной раз устремляя все свое внимание на длинные ноги Лиззи. Сажусь на его место. Лиззи наблюдает за тем, как он уходит, поэтому я ожидаю, когда она повернется ко мне.

Как только парень скрывается за углом, Лиззи с колоссальной скоростью поворачивает голову в мою сторону, на ее лице сквозит неподдельная паника и страх, и она потрясенно и с искренним отчаянием произносит слова:

— Пожалуйста, Джакс! Мне нужна твоя помощь!
Полагаю, все не так плохо, как я думал.

Глава 4

Лиззи

— В чем проблема? — спрашивает Джакс, подзывая официантку (которая пялится на него с тех пор, как он пришел). — Я могу заказать сок или мне необходимо что-нибудь покрепче?

— Принесите ему апельсиновый сок, — говорю официантке, стремясь поскорее избавиться от нее, чтобы мы смогли поговорить.

Да, я собираюсь спросить совета Джакса по поводу того, как мне удержать Джеймса. Да, знаю, что спрашивать совета Джакса насчет отношений — это все равно, что у тигра брать уроки по управлению гневом. И да, прекрасно понимаю, что со стороны может показаться немного преждевременным просить совета о парне, с которым познакомилась всего несколько дней назад.

Но вот в чем суть: мне *очень* нравится Джеймс, и я не могу избавиться от ощущения, что парень настолько хорош, что я не вписываюсь в его лигу. Рано или поздно я все испорчу... я уверена в этом... но, надеюсь, это будет тот тип неудачи, где я смогу принести извинения, а не тот тип, когда ты опасаясь оказаться в любой из частей города, боясь столкнуться с кем-то.

— Проблема в том, — говорю я, запинаясь и замолкая на некоторое время, — ты был прав.

Джакс добавляет приподнятую бровь к своей беззаботной ухмылке. Я продолжаю:

— У Джеймса действительно есть определенные ожидания.

— Какие ожидания?

— Ну... он расстался со своей последней девушкой, потому что она изменила ему. Поэтому теперь он очень осторожен. Он продолжает говорить о том, что пора остепениться, о долгосрочных целях и все в этом духе. Не знаю, я просто чувствую себя не в своей стихии. Это не так легко, как было с...

— Со мной? — спрашивает Джакс, и я почти ощущаю, как он наслаждается, говоря эти слова.

— Да, — отвечаю я, опуская голову и скрываясь за своими волосами. — Но с ним и не должно быть легко, ведь так? Поскольку все серьезно. Не как с тобой. Я имею в виду, у нас было так легко, потому что это ничего не значило, — я вздыхаю. — Но это так.

Джакс просто сидит, уставившись на меня. Интересно, правильно ли я все озвучила? Я

наклоняюсь вперед.

— Это не очень странно? Ты не возражаешь, что я спрашиваю тебя о таких вещах? Вот я к чему. Я понятия не имею, что делать при таких... сложностях во взаимоотношениях. Я начинаю паниковать, и если не покусываю губы, то начинаю болтать, а когда начинаю болтать, то просто закапываю себя еще глубже, а затем просто...

— Расслабься, — говорит Джакс своим гипнотическим низким голосом. — Все просто супер. Мы друзья. Друзья, которые трахали друг друга потрясающими и доставляющими необыкновенное удовольствие способами, но по-прежнему просто друзья. Если я могу помочь тебе, то с радостью сделаю это.

Джакс слегка смеется над моим смущенным поеживанием, и я не могу удержаться, чтобы не засмеяться в ответ. Полагаю, Джакс на самом деле рад остаться просто друзьями после всего, что между нами было. В то время как я все еще переосмысливаю это. Но если подумать, то это имеет смысл. Джакс соблазняет женщин, словно пытается побить рекорд. В то время как большинство мужчин, вероятно, выдохлись бы после недели такого секс-марафона, Джакс выглядит так, словно хочет еще больше. Полагаю, для поддержания такого развратного аппетита ты должен довольно хорошо уметь отгораживаться от людей.

Мысль о том, что, возможно, между мной и Джаксом было нечто большее, не раз закрадывалась в мое подсознание. Секс между нами был совсем на ином уровне. Легко начать испытывать какие-то чувства к парню, который настолько хорош в умении заставить тебя испытывать такое желание.

Но Джакс не пришел к этому, не стал моногамным. Любые чувства начинаются и заканчиваются для него в спальне. Я с большим успехом укрощала бы диких львов, чем Джакса... и, вероятно, имела бы меньше шансов пострадать от этого. И видеть его сейчас таким равнодушным, спокойным и собранным, как и всегда, несмотря на то, что речь идет о моем новом парне, лишний раз доказывает, что я сделала правильный выбор. Действуй.

— Спасибо, я действительно ценю это, — говорю я. — Ты мой вечный спаситель. Я просто... я на самом деле не могу позволить себе все испортить.

Джакс снимает солнцезащитные очки, и мое сердце на мгновение замирает. Его глаза похожи на оптические иллюзии; вы можете потратить несколько часов на поиски секретного сообщения в них. Хотя мне все же удалось взломать «код Джакса». Это в значительной мере приводит к самому горячему сексу в вашей жизни, но не более того.

— Разве не в этом заключалась вся суть нашей «договоренности», — говорит Джакс, — она предназначалась для того, чтобы ты сумела удержать парня, когда встретишь того, кто тебе понравится?

Я киваю.

— Да, таков был план.

— Тогда в чем дело? Уверен, что по крайней мере в одном ты хороша, — его игривый тон придает резковатый оттенок этим словам, но то, что он подразумевает, на самом деле ошибочно.

— Ну, вообще-то мы еще не занимались сексом, — признаю я.

Официантка приносит апельсиновый сок Джакса, но у него такое удивленное выражение лица, что, кажется, он даже не замечает этого.

— Разве не прошла уже почти неделя?

— Пять дней. Знаю, кажется, что прошло гораздо больше. Мне тоже так показалось. Но Джеймс не такой. Он милый. Он относится к тому типу парней, которые ждут подходящего

момента. И, полагаю, он еще не наступил.

— Точно, — говорит Джакс, не скрывая того, что его это не убедило.

— Пойми, у меня только что закончились отношения, которые длились всю мою взрослую жизнь. Я на самом деле не разбираюсь в этом. Раньше я даже никогда не ходила на свидания, поэтому понятия не имею, как себя вести. Что я *должна* и *не должна* делать. Вот почему прошу твоей помощи.

Я демонстрирую ему свой лучший «щенячий взгляд», и он смеется.

— Ладно, — говорит он, делая глоток сока. — Итак, он милый. Ему нравятся «особые моменты», он работает в больнице и тренирует младшую лигу, — Джакс замолкает, задумавшись.

— Верно. И?

Он пожимает плечами.

— Значит, он полная противоположность меня.

Несколько секунд я обдумываю его слова, а затем киваю.

— Да. Отчасти так и есть.

Джакс разводит руки в стороны и пожимает плечами, словно ответ очевиден.

— Значит, делай все, что делала со мной, но с точностью до наоборот.

— Я не понимаю, — отвечаю я спустя какое-то время, поскольку мне так и не удается уловить смысл сказанного им.

Джакс наклоняется и отодвигает солонку и перечницу в сторону, словно собирается начертить схему на столе.

— Мне нравятся сексуальные женщины, верно? Мне нравятся женщины, которые прекрасно выглядят и хорошо одеваются. Женщины, которые вкусно пахнут и говорят по существу. Мне нравятся уверенные, умные девушки, которые не стесняются того, кем являются. Которые могут оказать сопротивление, доказывая свою точку зрения, и держаться наравне со мной в постели. Если Джеймс — противоположность меня, то ты должна быть противоположностью всего вышеперечисленного.

У меня все еще растерянное выражение лица.

— Что именно ты имеешь в виду?

— Ну, взгляни на себя, — говорит Джакс, откидываясь на спинку стула и указывая на юбку, которую я специально купила для ланча с Джеймсом, — эта юбка относится к моим предпочтениям в одежде. Ты в выгодном свете демонстрируешь эти красивые ноги, словно ищешь парня вроде меня, чтобы обернуть их вокруг его талии. Я вижу эту юбку и начинаю думать о мягкой коже на внутренней стороне твоих бедер. Ты думаешь, что у Джеймса те же мысли, когда он видит ее?

Предполагая, я отвечаю:

— Нет?

— Нет. Джеймс видит такую юбку и думает: «Вот такую юбку должна носить потенциальная мать моих детей?», — он переключает свое внимание на другую часть моего тела. — Теперь посмотри на свой топ.

— Это лишь обычная белая майка! — протестую я, возмущаясь.

— Которая приемлема и хорошо смотрится на большинстве женщин, но, без обид, Лиззи, в твоем случае такие топы расцениваются, как хвостовство. Я вижу, какая упругая у тебя грудь. Я почти могу ощутить ее через этот топ, а от такой талии мое давление повышается. Это чересчур.

Я смотрю на свою одежду и натягиваю топ, пытаюсь прикрыться.

— Ты действительно так думаешь?

Джакс кивает.

— Проблема в том, что ты слишком сексуальна, а сейчас это не для твоего же собственного блага. Сейчас этот образ отлично подходит для парня, вроде меня, но с таким, как Джеймс, это уже становится проблемой.

— Ну, и как мне *следует* одеваться? — спрашиваю я, расстроено вздыхая.

— Рассматривай это как проект. Джеймс ищет женщину, которая собирается остепениться и завести детей. Если хочешь дать ему понять, что ты именно такая девушка, то должна соответствующе одеваться.

— Хочешь сказать, что я должна одеваться, как мамаша?

Джакс снова пожимает плечами, говоря тем самым «конечно».

— Ладно, трико и толстовки, — говорю я, соглашаясь с мнением Джакса. В конце концов, именно в это я была одета при первой нашей встрече в супермаркете, и посмотрите, что на мне теперь. Это имеет смысл. — А как насчет других моментов? Как я должна себя вести? О чем мне следует говорить? Я должна попробовать не быть забавной?

— Забавная — неподходящий вариант для Джеймса, — отвечает Джакс, делая очередной глоток сока. — Забавность — противоположность серьезности. А ты ведь хочешь стать серьезной с этим парнем, верно?

— Ну, да.

— Тогда не будь забавной. Каждый раз, когда ты шутить по поводу чего-нибудь, это показывает, что ты не воспринимаешь этого всерьез. Хочешь показать, что у тебя есть чувство юмора? Смейся над всеми его шутками, но не произноси своих собственных.

— Это имеет смысл. Но тогда о чем мне с ним разговаривать?

Джакс недолго размышляет, ухмыляясь и поскребывая щетину.

— Существует одна вещь, которую должна знать о парнях каждая женщина, — он наклоняется вперед, и я тоже.

— Какая? — спрашиваю я шепотом. У меня на самом деле возникает такое чувство, словно Джакс раскрывает мне все секреты мужчин, и, кажется, мне стоит начать делать заметки.

Джакс слегка ерзает, словно размышляет, должен ли раскрывать эту военную тайну, а затем снова переводит взгляд на меня и устремляется вперед.

— Парням... нравится переходить сразу к делу.

Я жду продолжения, и когда оно не наступает, спрашиваю:

— Гхм. К какому?

— Звучит просто, да? Но это не так. И очевидно, что большинство женщин, кажется, об этом не догадываются. Подумай. Как ты считаешь, для чего я встречаюсь с женщинами?

— Секс.

— Да. И мне нравятся женщины, которые не заморачиваются по этому поводу. Конечно, завоевание — это весело, но, когда все сводится к нему, женщины настолько же упертые и прямолинейные, насколько я неотразим. Теперь спроси себя: чего хотят такие парни, как Джеймс?

Я размышляю, обдумывая вопрос.

— Предполагаю, что он хочет милую девушку. Кого-то, с кем приятно провести время.

Джакс искоса смотрит на меня и чуть наклоняет голову.

— Возможно.

Я пробую снова.

— Надежную, верную девушку?

Он кивает.

— Теплее.

И затем я понимаю.

— Девушку, желающую выйти замуж?

— Бинго!

Я киваю, пытаюсь свыкнуться с этой мыслью.

— Детей. Женщину, с которой можно создать семью.

— Динь, динь, динь. Джекпот.

Спустя мгновение я осознаю, что подразумевает Джакс.

— Подожди, ты говоришь, что мне необходимо завести ребенка с Джеймсом?

Джакс смеется, и если бы я не была так сосредоточена, то загляделась бы на его лицо, поскольку оно сияет.

— Нет, Лиззи. Я лишь говорю, что не помешает, если он подумает, что ты так же готова, как и он. Дай ему понять, что разделяешь его позицию. Говори о том, сколько детей ты хочешь. О том, как мечтаешь о белом заборчике и свежескошенном газоне перед домом. О том, как хочешь познакомиться с его матерью и готовить ему тушеное мясо каждое воскресенье. Обо всех тех вещах, о которых мечтают такие парни.

В течение примерно минуты я пялюсь на минеральную воду перед собой, обдумывая слова Джакса. Трудно поспорить с этим.

— Знаешь, все логично. Хотя я не уверена, смогу ли сделать это. Понимаешь, это кажется нечестно по отношению к нему. Я не уверена, что это все... про меня.

Джакс кивает с умным выражением лица.

— Ну, это и называется — несовместимость. Но если ты желаешь такого парня, то тебе придется смириться со всеми его заморочками. Ты должна говорить на его языке.

Снова на несколько секунд я смотрю на свою минеральную воду, и вдруг мой телефон пиликает. Достав его, я вижу сообщение от босса.

— Черт. Я опаздываю на работу. Хотя сегодня Джеймс придет ко мне на ужин. Ты не против, если я напишу тебе? Только чтобы спросить совета и наставлений. «Эмоциональная поддержка», понимаешь? Ты сможешь быть моим тренером, — смущенно смеюсь я.

— У тебя есть мой номер.

Я хватаю сумку и направляюсь к выходу.

— Думаю, ты прав, — говорю с благодарной улыбкой, прежде чем уйти. — Спасибо, Джакс.

— Я просто хочу лучшего для тебя.

Уже почти семь, когда я нахожу в своем шкафу одежду, подходящую под описание Джакса и не похожую на жалкий старый спортивный костюм. Поняв, что у меня нет ни

одной юбки ниже колена и ни одних джинсов, не обтягивающих мою задницу, я останавливаюсь на свободных брюках, купленных мне мамой два года назад — я слишком уважительно к ней отношусь, поэтому до сих пор их не выбросила. Благодаря им я выгляжу так, словно совсем недавно сбросила около девяти килограммов и с тех пор так и не нашла времени для новых покупок. Но они определенно подходят для образа «мамаши» больше, чем любая вещь в моем гардеробе. Сверху я надеваю легкий свободный джемпер, который всегда надевала лишь в квартире, когда было не слишком жарко. Джеймс ни за что на свете не обратит внимания на мою грудь в этой вещице.

В последний раз смотрю на себя в зеркало: я совершенно точно не сексуальна, но зато определенно выгляжу так, словно у меня есть дети. Отлично.

Я направляюсь в кухню, чтобы проверить картофельное рагу (Джакс порекомендовал обычное сытное блюдо — по его мнению, это ассоциируется с семейным Рождеством), и посмотреть, что он снова мне написал.

Джакс: Помни, никаких шуточек. Будь серьезной.

Я отвечаю ему, пока помешиваю кипящую еду в кастрюле.

Я: А что, если я не смогу придумать тему для разговора?

Ответ Джакса приходит почти сразу.

Джакс: Цены на недвижимость. Планы по поводу стоматологического обслуживания. Пенсия. Расход бензина. Все, что ты считаешь скучным. Не забудь. Дети, дети, дети.

Я отключаю плиту и иду обратно в столовую. Интересно, стоит ли мне оставить свечи на столе на несколько часов — но это уже чересчур: спрашивать Джакса о каждой детали. Я принимаю поспешное решение убрать их — лучше перестраховаться — хватаю их со стола и уношу в кабинет.

Затем слышу звонок в дверь. Шоу начинается.

Мое сердце начинает бешено колотиться, словно отбивает тысячу ударов в минуту. Я спешу к двери (что удастся с легкостью, поскольку на мне консервативные туфли на низком каблуке), и останавливаюсь перед зеркалом в прихожей на несколько секунд, чтобы стянуть волосы в пучок.

Кладу руку на дверную ручку и делаю глубокий вдох. Вот он — тот момент. Лиззи из мира фантазий этого парня.

Я открываю дверь и улыбаюсь, сердце бешено колотится в груди, как перегруженный товарный поезд, который вот-вот сойдет с рельсов.

— Привет, — говорит Джеймс, после чего его взгляд прохаживается по моей одежде. Я стою, не двигаясь, в ожидании момента истины. — Ты прекрасно выглядишь, — с улыбкой добавляет он, и я расслабляюсь, хотя Джеймс относится к тому типу парней, которые сказали бы это, даже если бы на мне было надето мусорное ведро.

Он выглядит совсем недурно, хотя бы благодаря росту и широким плечам. На нем бежевые брюки и свитер, который, уверена, я видела на своем дяде на прошлое Рождество. Однако, если бы я хотела модного парня с отличным вкусом, то провела бы ночь с... *нет,*

даже не думай об этом, Лиззи.

— Входи, — говорю я, отходя в сторону.

Джеймс заходит и пытается чмокнуть меня в щеку, но отступает, как будто боится. Он делает так еще пару раз, и когда его голова уже дергается вперед-назад, как у цыпленка, я слегка хихикаю, поворачиваюсь и подставляю ему щеку. Прикосновение его губ едва ощутимое.

— Я принес вино, — говорит он, поднимая бутылку, когда мы заходим в квартиру.

— Ох, круто, — говорю я, беря и рассматривая ее.

— Да, эм... хотя я не очень хорошо разбираюсь в вине.

— Я обычно просто спрашиваю у консультанта, какое вино хорошее.

— Я тоже, но парень порекомендовал бутылку за сто долларов. Разве это не сумасшествие?

Я киваю и улыбаюсь.

— Поэтому, — продолжает он, — я просто схватил первую попавшуюся бутылку за десятку. Ведь это же просто вино, верно?

Я снова хихикаю.

— Верно. Ужин готов, так что присаживайся, а я принесу еду.

— Прекрасно. Пахнет аппетитно.

Я добираюсь до кухни и делаю глубокий вдох. Ладно. Шоу начинается. Проверяю телефон на случай, если Джакс написал сообщение, но ничего нет, так что я еще раз прокручиваю в голове его слова. Будущее. Семья. Скучные темы. Будь домохозяйкой. Будь приличной девушкой. Это же не может быть слишком сложно, не так ли?

Я беру кастрюлю и приношу ее к столу, где Джеймс уже сидит, положив руки на колени и прицепив салфетку к свитеру, как слюнявчик. Мило.

— Картофельное рагу. Надеюсь, тебе понравится, — говорю я.

— Прекрасно! — повторяет Джеймс, вдыхая аромат и искренне улыбаясь. Он слегка смеется и в шуточной форме вытирает лоб рукой. — Фух! Я немного волновался по поводу того, что ты приготовишь что-нибудь пряное или экзотическое. Я не очень большой ценитель такой еды.

— Серьезно? — я пытаюсь казаться удивленной, хотя это не так. Джакс предупредил меня по этому поводу.

— Да. Меня рвет каждый раз, когда в организм попадает перец чили!

Я смеюсь, садясь на стул.

— Однажды, — продолжает Джеймс, — о, Боже... это очень смешная история. В тот раз я был на барбекю, и жена друга приготовила домашний кетчуп. Я попробовал лишь немного — всего один раз — и вау! Мне отдало прямо в голову. Не знаю, что она добавила туда, может паприку или еще что-нибудь в этом роде. Но следующее, что я помню, как я безостановочно блевал!

Джеймс так сильно смеется, что я боюсь, как бы он не опрокинул стол. Я смеюсь вместе с ним.

— погоди! — говорю я. — Перед всеми?

— Ох, нет. Нет. Я пошел в ванную. Но все равно, черт побери. Я еще долго не забуду тот день!

Я опять слегка смеюсь. Полагаю, это похоже на то, как болтают настоящие пары, делясь жизненными казусами и шутя о них. Не так уж это и интересно, но думаю, смогу

привыкнуть.

— Хочешь послушать музыку? — спрашиваю я, приподнимаясь со своего места.

— Нет. Я не большой любитель музыки, — отвечает Джеймс, начав накладывать рагу на тарелку. — Хотя у меня есть один диск, который мне нравится. На нем записаны бейсбольные кричалки за много лет. Они похожи на живые записи с концертов. Тебе стоит послушать, это приведет тебя в восторг!

— Звучит заманчиво.

Я пытаюсь не думать о впечатляющей коллекции виниловых пластинок Джакса (явный признак своенравного мужчины), или о своих собственных фальшивых караоке-марафонах под радио во время поездок в час пик. Полагаю, для всеобщего блага не рассматривается даже сама идея нахождения Джеймса со мной в одной машине.

— Я принесу диск тебе и мы сможем послушать его вместе, — говорит он, подмигивая. Я улыбаюсь и убираю волосы с глаз.

— Как насчет тоста? — спрашиваю я, поднимая бокал.

— Прекрасная идея.

— Давай за «прелесть тишины»?

Джеймс слегка качает головой.

— А может за «бейсбольные кричалки»?

— Конечно, — я смеюсь, и мы чокаемся.

Спустя несколько минут ужина, я замечаю по выражению лица Джеймса, что что-то не так.

— О, Боже, что-то не так с рагу? Тебе не нравится?

— Ох... эм... нет... оно прекрасно. Честно.

Я покусываю губу.

— Просто... ну, когда тетя готовит картофельное рагу, она обычно чистит картофель и готовит до тех пор, пока он не становится немного более пропитанным.

С моего лица сходят все краски.

— Ох, мне очень жаль.

— Нет... нет. Все в порядке, серьезно. Я переживу.

Но по тому, как он жует, сразу видно, что он ест через силу. В рецепте не было сказано почистить картофель!

— У меня есть еще немного салата в холодильнике, если ты...

— Честно, просто забудь. Все нормально. Спасибо, что приготовила его, — он через силу улыбается.

Взять на заметку, что все наши будущие ужины будут проходить в ресторанах.

Я улыбаюсь в ответ и еще сильнее прикусываю губу. Черт побери. Произвести впечатление на хороших парней гораздо труднее, чем я предполагала. Оборачиваюсь в сторону кухни и на мгновение задумываюсь над тем, стоит ли написать сообщение Джаксу. Я вспоминаю все его слова и предполагаю, что если когда-нибудь приходит время выбирать между «все или ничего», то этот момент определенно настал.

— Знаешь, Джеймс, я кое-что хочу у тебя спросить.

— Да?

— Знаю, это может показаться безумием. Просто мне любопытно.

— Конечно. О чем?

— Ты когда-нибудь задумывался о детях?

Лицо Джеймса озаряется, словно я только что вручила ему билет в Диснейленд.

— Да.

Я улыбаюсь, ощущая, что накал ситуации постепенно ослабевает. Наконец-то я делаю что-то правильно.

— Мне бы хотелось нескольких, — добавляю я.

— Серьезно? — спрашивает Джеймс, кладя вилку и наклоняясь вперед. — Занятно, что ты сказала это. Ведь наши желания совпадают.

Бинго. Спасибо, Джакс. Ты помогаешь мне, даже когда тебя нет рядом.

В течение последующих нескольких минут Джеймс и я распланировали наше гипотетическое совместное будущее, уточняя все детали: например, где безопаснее всего разместить детские качели, какие районы лучше всего подходят по стоимости для покупки дома, и что при этом нужно учитывать маршруты школьных автобусов.

Я полностью погрузилась в мир Джеймса, где все просто и никто не одинок. К тому времени, когда мы заканчиваем болтать, картофельное рагу остыло и так и осталось нетронутым на наших тарелках, зато между нами появилось какое-то странное притяжение, словно некая внутренняя связь. Но уже десятый час, и Джеймс говорит, что устал. Я разочарована, что он так быстро уходит. Наконец-то все идет гладко.

Я встаю и направляюсь за Джеймсом к двери. Каждая вена в моем теле пульсирует от желания оказаться ближе к нему, каждая мысль в голове вертится вокруг идеи остановить его.

— Уверен, что не хочешь остаться еще ненадолго? Там осталось немного вина, — спрашиваю, молясь, чтобы он не подумал, что я слишком тороплюсь.

Джеймс с сожалением качает головой, надевая пальто.

— Завтра мне на работу. Но я обязательно тебе позвоню.

Я улыбаюсь ему своей самой обворожительной улыбкой и поворачиваюсь таким образом, чтобы язык моего тела говорил намного больше, чем смогли бы выразить слова. Возможно, виной тому несколько слоев подобранного мной самого неподходящего наряда, или, возможно, Джеймс просто не относится к такому типу парней, но он никак не реагирует. И когда я уже собираюсь сдать, он говорит:

— Могу я поцеловать тебя?

Вопрос застает меня врасплох. Мне не задавали его с тех пор, как я училась в начальной школе, и даже тогда это закончилось тем, что мальчишка описался.

— Конечно, — говорю я хриплым голосом, — ты не должен спрашивать.

Джеймс так лучезарно улыбается, словно только что получил билет на продление своего пребывания в Диснейленде, и наклоняется. Я закрываю глаза, мои губы влажные от предвкушения, а тело готово ощутить силу его мужественности.

Его губы слегка касаются моих, а затем отстраняются.

— Все в порядке? — спрашивает он. — Тебе... комфортно от того, что произошло?

— Ммм, да. Конечно, — о чем он говорит? Он едва коснулся меня.

— Могу я... ну. Забудь. Мне стоит уйти, — он тянется к дверной ручке.

— Подожди! — вскрикиваю я, хватая его за руку. — Можешь что? Просто скажи это, — знаю, что он хочет большего... он должен этого желать. Я уверена в этом.

— Я собирался спросить, могу ли я поцеловать тебя снова. С языком.

На мгновение я слишком ошеломлена, чтобы ответить. Я никогда не встречала парня, который спрашивает разрешения по поводу каждого своего шага и настолько застенчив, что

практически не может добраться даже до первой базы. Мое сердце трепещет от того, насколько это очаровательно. Да, неловко, но еще и мило. Вместо ответа я притягиваю его лицо к себе и запускаю язык ему в рот, настойчиво прижимаясь к его телу, тем самым говоря «я хочу тебя».

— Притормози, Лиззи! — говорит Джеймс, смеясь, отодвигая меня и вытирая свои губы. — Думаю, ты немного спешишь.

— Точно. Прости, — я закрываю глаза, стараясь улыбнуться и не обращать внимания на свое разочарование. Я только что по-крупному облажалась и прекрасно понимаю это. Но он улыбается, сжимая мое плечо. Он не выглядит расстроенным. На самом деле, лишь слегка ошарашенным.

— Не нужно извиняться. Просто в следующий раз для начала нам нужно обсудить это. Чтобы убедиться, что нас обоих заведомо устраивает степень нашего физического контакта.

— Верно. Безусловно. Понимаю, — ляпаю я.

Мгновение мы таращимся друг на друга, и затем он тянется к дверной ручке.

— Спокойной ночи, Лиззи. С нетерпением жду нашей встречи в скором времени.

У меня перехватывает дыхание, и я чувствую себя полупьяной — как от дешевого вина, так и от отсутствия подходящего завершения вечера.

— Спокойной ночи, Джеймс.

Я закрываю дверь и прислоняюсь к ней. Несмотря на всю путаницу сейчас (ну, и проблему с картофелем ранее), свидание прошло как нельзя лучше, и я чертовски довольна этим... но мое тело изнывает от другого, а Джеймс, назначенный в этом на ключевую роль, только что сбежал. Если он пытается дразнить меня, чтобы сохранить заинтересованность в нем, то это прекрасно работает, поскольку прямо сейчас я готова отправиться за ним в ад и обратно, лишь бы довести дело до развязки, которой жаждет мое тело.

Некоторое время пребывая в этом состоянии, я пытаюсь привести в порядок мысли и разобраться в том, что здесь только что произошло. Часть меня в восторге от того, как прекрасно прошло свидание, другая же часть испытывает головокружение. Я сжимаю волосы, направляясь на кухню, и плюхаюсь за стол. Чувствую, мне придется принять холодный душ, чтобы избавиться от жара между ног. Либо это, либо...

Нет. Черт побери. Надо взять себя в руки. Я хватаю бокал и делаю глоток, поморщившись от ужасного вкуса этого вина, но все же допив остатки. Единственное, что Джакс должен давать мне сейчас, так это советы, хотя я намного сильнее хочу того, что он делает так хорошо.

Глава 5

Джакс

Я отправлюсь напрямик в ад. Но, с другой стороны, это и так было известно.

Если не за тот раз, когда я отправился домой к длинноногой брюнетке с пирсингом в губе, а на следующее утро проснулся рядом с ней и ее щедро одаренной объемом грудью и еще более одаренной безумством матерью. Тогда за тот раз, когда я пробрался в тренировочный лагерь к бразильской волейболистке и провел весь уик-энд, обрабатывая участниц команды. Мой пропуск во врата Люцифера забронирован заранее, и мое присутствие там обязательно.

В этой жизни не меньше ста женщин хотели бы отправить меня туда раньше времени. Я могу рассказать вам с десятков историй о каждом из грехов. Но есть та, ради которой я на это готов.

Лиззи.

Однако, дав ей заведомо плохой совет, я выставил себя не в самом лучшем свете. Это определенно не та история, которую я буду рассказывать Брандо в ближайшее время — это уж точно. Но Джеймс *должен* уйти.

С таким парнем Лиззи скоро начнет собирать рецепты Марты Стюарт и покупать декоративные тарелки, пока не осознает, что происходит. Он будет высасывать из нее жизнь, пока она не окажется в настолько отчаянном положении, что слиняет из дома. Ее тело создано для секса, а не для того, чтобы быть домохозяйкой и производителем детей. Этот острый ум необходимо ежедневно провоцировать на приключения, а не превращать в кулинарную книгу. Лиззи только что закончила отношения с подобным парнем, а вы видели, чем это обернулось для нее. Можно даже сказать, что я делаю ей одолжение. Я спасаю ее. Если задуматься, то в этой ситуации я — герой.

Ладно, возможно, не стоит глубоко анализировать. Просто примите это как факт.

Я проверяю часы в четвертый раз за последние десять минут, хотя пытаюсь сдержать себя. Уже почти девять тридцать, и теперь я начинаю немного переживать. Лиззи должна была написать мне, как только закончится свидание, рассказать, как все прошло.

Я отчасти уже знаю, как плохо все сложилось, но жду ее рассказа о том, насколько ужасно на самом деле все прошло.

Понимаете, ни одному парню не может понравиться женщина, в которую по моему совету должна была превратиться Лиззи. Ни один парень в свои двадцать с небольшим не захочет «мамашу», болтающую о планах стоматологического обслуживания. Даже Джеймс.

Никуда не годится скрывать такое тело, как у Лиззи, под слоями старушечьей одежды. Никуда не годится, имея такое чувство юмора, как у нее, оставаться постоянно серьезной. Я практически посоветовал Лиззи скрыть все свои достоинства.

И знаете, что самое ужасное? Я даже не испытываю угрызений совести. У меня нет сил на это — они уходят на хождение туда-сюда по гостиной. Я проверяю, включен ли мой телефон, и ожидаю звонка. Того самого звонка, в котором Лиззи спросит, что пошло не так, и я смогу воспользоваться моментом и подставить свое плечо. Идеальный ход для вывода конкурента из строя.

Если это звучит так, словно я горжусь собой, то поверьте, это не так. Мой рот наполняется слюной при мысли о том, что Лиззи снова станет моей.

Я опять смотрю на часы. Девять тридцать две. Какого черта происходит? Они же не могут до сих пор ужинать, да? Возможно, Джеймс просто действительно плох в придумывании оправданий. Возможно, Лиззи забыла позвонить.

Когда звонит телефон, я бросаюсь к нему, словно нападающий с четвертой позиции.

— Алло?

— Ох, — отвечает Лиззи, явно удивленная таким быстрым ответом.

Я слегка смеюсь.

— Я просто кое-кому писал сообщение.

— Ах, конечно.

— Так? Как все прошло?

Я скрещиваю пальцы и обращаю свой взор к небу, словно это последний бросок в игре «кости» в Вегасе. Такое ощущение, что в ожидании ее ответа время замедлилось, и клянусь, перед глазами пронеслась вся моя жизнь. Игра в мяч с папой. Обучение езде на велосипеде. Первая поездка на концерт. А затем довольно много секса.

— Все прошло великолепно, — отвечает Лиззи. Слова с таким счастьем слетают с ее губ, однако, существует еще шанс, что это неубедительный сарказм. На мгновение я ошеломлен. Но все еще надеюсь, что это одна из шуток Лиззи.

— Хмм. В самом деле?

— Боже мой! Не поверишь! Все, что ты сказал сделать, сыграло мне на руку! Я в огромном долгу перед тобой!

Это как брошенное в лицо яйцо, как удар ногой в челюсть, как зубы, вцепившиеся тебе в задницу.

— Это потрясающе! — говорю я, радуясь, что Лиззи не видит, как я упал на колени и стиснул зубы.

— Должна признать, что сначала была не уверена в твоём совете, особенно после того, как он сказал мне, что я напортачила с картошкой. Но просто решила рискнуть. Я сказала, что хочу семерых детей, и ему это понравилось! Мы несколько часов болтали лишь о прекрасном доме. Он очень много рассказал мне о своей семье. Вообще-то его мать приезжает в город на следующей неделе, и он *попросил* меня прийти познакомиться с ней!

— Я так... рад, что все обернулось лучшим образом, — слова, слетающие с моих губ, звучат так, словно доносятся издалека. Думаю, что теряю сознание.

— Джакс? Ты в порядке? Звучишь немного приглушенно.

Это потому, что я уткнулся лицом в толстый ворс ковра.

— Ох, я закрыл микрофон пальцем.

— Я так признательна, Джакс. Не могу передать словами, насколько благодарна. Знаешь, на какое-то время мне действительно показалось, что тебе плевать. Что ты просто говорил ерунду. Возможно, даже специально давал плохой совет. Знаю, что это звучит глупо. Полагаю, я просто параноик. Спасибо за то, что оказал поддержку.

Мне удастся изобразить наигранный смех. Последний раз я так смеялся, когда получил нижнее белье на свой двенадцатый день рождения.

— Конечно, нет. Зачем бы мне это делать?

— Откуда мне знать, — отвечает Лиззи, все равно не отступая. — Отчасти я полагала, что ты мог посчитать это странным — мои просьбы о таких советах.

— Эй, мы же друзья. Я рад, что ты кого-то нашла.

— Спасибо, Джакс. При следующей нашей встрече я угощу тебя ланчем.

Я цепляюсь за ее слова, словно они спасательный плот. «При следующей нашей встрече». Я могу использовать этот шанс.

— Как насчет...

— Эй, мне пора. Кажется, Джеймс только что написал мне сообщение. Боже мой, мне

необходимо купить новый кардиган до приезда его матери в город. До скорого, ладно?

— Конечно.

Лиззи кладет трубку, а я отбрасываю телефон в сторону и снова утыкаюсь лицом в ковер.

Я отправлюсь прямиком в ад. Единственное, чего я добился, так это бесплатного ланча.

Понятия не имею, сколько времени я провел, уткнувшись лицом в ковер и вызывая в памяти свои грехи, но звучит примерно десять звонков, прежде чем мне удастся взять себя в руки и найти телефон. Это Брандо.

— Привет, дружище! — говорит он, прежде чем я успеваю поднести телефон к уху. — Где... *нет чувак, она со мной...* извини. Где ты, черт побери?

Я слышу отчетливый звук грохочущей музыки и смех на заднем плане. Если Брандо находится в нашем обычном баре, то там будет довольно-таки напряженная ночь.

— Полагаю, в затруднительном положении.

Мне нет необходимости видеть лицо Брандо, чтобы знать — прямо сейчас он качает головой, как разочарованный отец.

— Чувак, — говорит он, — не хочу ничего слышать. Ты сдулся. Ты не звонил мне с тех пор, как мы занимались серфингом, и за всю неделю я ни разу не видел тебя в баре. *Хочешь еще выпить, сладкая?*

— Я действительно не в настроении для этого.

— Джакс, — говорит он, меняя тон голоса на вдохновляющий и мотивирующий, который обычно использует в спортзале, — ты должен привезти свою задницу сюда. Единственная уважительная причина для отказа, это если ты уже трахаешься так непристойно, как тебе нравится... но если бы так и было, ты не подошел бы к телефону.

Я усмехаюсь, но это больше похоже на плохую имитацию смеха злодея.

— Я просто немного занят.

— В одиннадцать вечера? Послушай, братан... *эй, подожди минутку, детка, разве ты не видишь, что я разговариваю по телефону?*.. я вижу уйму женщин, которые сделали бы твердым даже девяностолетнего гея. Что-то особенное витает сегодня в воздухе, чувак! Должно быть, полнолуние или что-то вроде того. Либо причина в этом, либо они запускают сюда женщин, не похожих на десятки девушек снаружи. Я уже трахнул одну цыпочку в мужском туалете, и готов к повтору. Это сезон охоты, чувак.

— Это неделя моды.

— Ах! Точно! — говорит Брандо, смеясь, словно он только что забросил трехочковый мяч в корзину. — Черт возьми. Теперь понятно, почему эти крошки выше большинства парней. Ты не можешь пропустить такое, братан. Клянусь, если ты не приедешь сюда сейчас же, я заявлюсь в твой изысканный дом и сам притащу тебя сюда.

Довольно трудно отказать Брандо, когда он смешивает искреннюю заботу с полусерьезными угрозами.

— Я не знаю...

— Тебе и не нужно. Я знаю. Ты будешь здесь через двадцать минут. Я выйду на улицу и подожду тебя там. Каждую секунду, которую ты промедлишь, я проведу вдаль от этих удивительных задниц — помни об этом.

Мне не удастся отвертеться. Честно говоря, если бы была возможность, я, скорее всего, снова уперся бы лицом в ковер.

— Ладно. Обязательно.

— До скорого, братан.

Я действительно не знаю, чем забита моя голова, поскольку рассеянно выбираю одежду, одеваюсь и направляюсь к машине. Это похоже на паралич: мое тело отлично функционирует, я вставляю ключ в зажигание, поворачиваю его и выезжаю на «Тестароссе» из гаража в ночной ЛА, но мой разум в отключке. (*Прим.: Ferrari Testarossa*)

Когда-то давно, примерно неделю назад, это было всем, в чем я нуждался, хотел и делал. Хорошая пара обуви, чтобы дополнить мой идеальный наряд. Рычание моего «Феррари». Друг, который со мной заодно. Куча супермоделей, чтобы был выбор, и вся ночь, чтобы реализовать каждую потребность и желание.

И прямо сейчас у меня все это есть, но такое ощущение, что этого недостаточно. Такое чувство, словно чего-то не хватает. Самой важной составляющей.

Я паркую «Феррари», несколько раз хлопаю ладонями по щекам, надеясь, что это пробудит меня от депрессивного состояния и расшевелит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Брандо не ошибся. Снаружи я уже вижу около полудюжины великолепных женщин. Музыка настолько громкая, что басы отдаются вибрацией по тротуару. Звонкий смех красавиц на высоких каблуках и крики радости заполняют улицу.

Бог знает как, но за всеми этими сексуально одетыми девушками снаружи я как-то упустил Брандо — возможно, потому, что сосредоточил внимание на парочке девушек с черной помадой. Я смотрю на них до тех пор, пока не ощущаю изрядно тяжелый и быстрый хлопок по спине, который может себе позволить только он.

— Чувак! Что я тебе говорил? — кричит он, вставая передо мной. Он кивает в сторону девушек, курящих в кругу. Одна из них формирует губы в букву «О» и выпускает дым, словно это поцелуй. Брандо смеется. — Это территория мечтаний, мужик! Пойдем внутрь, там еще лучше.

Закинув руку мне на шею, он заводит меня в клуб, подгоняя к переполненному бару, а другой размахивает, указывая и касаясь девушек, мимо которых мы проходим.

— Узри, мой друг, — говорит он, указывая на кучу людей, как актер в библейском фильме.

Просто не обращая внимания на свое состояние, я делаю так, как он велит. Хотя это последнее место, где мне хочется находиться прямо сейчас. Этот вид пронизывает меня до самого нутра, и я не могу сдержать улыбку, появляющуюся на моем лице. А затем он проникает мне в пах, и я не могу предотвратить появление этой выпуклости.

— Хмм? — говорит Брандо, когда замечает мою реакцию. — Я же тебе говорил!

Это напоминает массовые сцены самых распутных, сексуальных и реалистичных картин эпохи Ренессанса. Куда не взглянешь, повсюду твой взгляд останавливается то на идеально подкачанных задницах в модных шортах, то на скоплении каплевидных сисек, так и вываливающихся из укороченных топов, то на превосходных лицах с сексуальными глазами и сочными губами. Это перебор для того, чтобы понять и осмыслить. Как только я вижу девушку, которая мне нравится, то сразу же замечаю другую, которая вынуждает меня пересмотреть свои вкусы.

— Иисус Христос, — это все, что мне удастся вымолвить.

Брандо смеется и снова хлопает меня по спине. Полагаю, это больно, но трудно что-либо чувствовать, когда все ощущения твоего тела сосредоточились в члене.

— Я как раз обрабатывал вон ту группу девушек, — говорит Брандо, указывая в нужном направлении.

Мне требуется некоторое время, чтобы выяснить, кого именно он имеет в виду — довольно много девушек предстает перед моим взором — но когда я смотрю на тех, то сразу понимаю, почему Брандо подкатил именно к ним. Даже по чертовски высоким стандартам сегодня вечером они на голову выше остальных.

— Взгляни на ту брюнетку. Это — Таша. Она из какой-то бывшей советской страны, мужик, и у нее этот чертов акцент. А посмотри на эти бедра. Черт возьми! Они выглядят так, словно смогут расколоть твою голову, как грецкий орех — и я планирую выяснить это. А вон та блондинка в джинсовых шортах. Это Алли, она из Техаса. Настоящая гребаная ковбойша. Разговаривает как баптистский пастор, но то, как она обхватывает мои яйца ладонью, явный признак того, что она не воздерживается. Остальных я даже не знаю, но, черт побери, ты только посмотри на них!

— Рождество настало рано.

— Точно. Проклятье. Я уже находился бы снаружи, если бы, черт возьми, просто мог выбрать. Давай же, мужик. Мне необходима конкуренция. Это слишком легко.

Я следую за Брандо сквозь толпу, почти теряя его из виду, поскольку отвлекаюсь на девушек, посылающих мне воздушные поцелуи и показывающих свои лучшие части тела. Мы подходим к той самой группе девушек, и Брандо приветствует их так, словно отсутствовал целый год.

— Брандо! — восклицает Таша, и я понимаю, что он имел в виду, упоминая ее акцент. — Я думала ты ушел!

— Я не уйду без тебя, детка!

Девушки смеются, и я понимаю, почему для него это слишком легко.

— Кто твой друг? — спрашивает Алли с южным акцентом, потягивая свой напиток через соломинку с изяществом бульдозерной груши для сноса зданий.

— Джакс, — отвечаю я, — а ты Алли, да?

Она улыбается.

— Брандо сказал тебе?

— Он рассказал мне немного о тебе. Хотя мне хотелось бы узнать больше.

— Что именно он рассказал?

Я оглядываюсь, и мне требуется приложить немного усилий, чтобы отвести взгляд от девушек вокруг нас и вновь обратить свое внимание на Алли.

— Он сказал, что тебе нравится держать все в своих руках.

Алли хихикает, и я чувствую, что снижаюсь на юг — больше в физическом смысле, чем в географическом.

— Зависит от того, что смогут заполучить мои руки.

Я забираю пустой бокал из-под коктейля из ее руки, а затем кладу на ее руку свою.

— Давай прогуляемся к бару. Посмотрим, чем я смогу наполнить твои руки.

Алли снова хихикает и расслабляется под моей рукой, позволяя отвести ее к бару, где я повторяю ее выпивку, а себе заказываю виски.

— Так ты модель? — спрашиваю я, стараясь не обращать внимания на каждую красавицу, попадающую в поле моего зрения. Глаза у Алли холодного голубого оттенка, но при попадании на них света они блестят и становятся более естественными.

Она перебрасывает через плечо свои белокурые волосы и начинает посасывать свой напиток через соломинку — ее взгляд прикован ко мне, таким образом она просит меня наблюдать за ее техникой.

— Да, я модель. Как и любая девушка в этом баре. Мы прилетели пораньше, хотя показ только на следующей неделе. Мы решили держаться вместе — некоторые иностранки беспокоятся. Сила в количестве.

— Ну, имея поблизости таких парней, как Брандо, даже количество не спасет вас.

Она ухмыляется.

— Держу пари, что и с такими парнями, как ты.

Я потягиваю свой напиток вместо ответа.

— Так чем ты занимаешься?

— Я архитектор.

— Да ты шутишь! Ничего себе. Значит, ты не только красив, но еще и богат? Большой дом? Роскошные автомобили?

— Три больших дома. Но всего один «Феррари». Я пытаюсь держаться скромнее.

Алли смеется.

— Тогда ты, должно быть, бабник. Будь это не так, какая-нибудь девчонка давно бы уже подцепила и окольцевала тебя к этому времени.

Это безобидная шутка. Непринужденный разговор. Флирт. Я должен ответить что-то в том же духе. Но внезапно мой мозг покидают все мысли. И перед глазами остается лишь лицо Лиззи — даже сейчас, в этом баре, переполненном самыми красивыми женщинами на планете. Я способен думать лишь о ней. В первый раз я увидел ее здесь — если вы вспомните тот момент, когда она отшила меня. Не знаю почему, но именно об этом сейчас мои мысли. Возможно, виной тому упоминание Алли о «какой-нибудь девушке». О том, почему я здесь флиртую.

Не помогает и то, что пока я увлечен этими убивающими либидо мыслями, Алли прикасается к моим яйцам. Я откидываю ее руку подальше.

— Ауч! — говорит она, глядя на меня так, словно я превратился в монстра. — Черт возьми, что с тобой не так?

Я вздыхаю.

— Знаешь, что? Ты не первая девушка, которая задает мне этот вопрос.

Алли пялится на меня несколько секунд, ожидая, что я продолжу свое объяснение, или, возможно, надеясь, что у меня на лбу появится хоть какая-то подсказка относительно этого жеста. Когда этого не происходит, она называет меня придурком и уходит.

Я допиваю виски и заказываю еще. Сделав глоток, я несколько минут пялюсь на стакан,

стоящий на барной стойке. Со мной что-то серьезно не так. Впервые я вытворяю нечто подобное. В последний (и почти единственный) раз меня отвергла девушка, и ею была Лиззи. Но сейчас это не было даже отказом — девушка была полностью в моей власти. Нет, в этот раз я *не смог завершить начатое*.

И это произошло впервые за все время.

Я оглядываюсь и взглядом ищу Брандо. Супермодели высокие, но отыскать «огромного громкоголосого нью-йоркского итальянца» довольно просто. Я замечаю его направляющимся к выходу вместе с Ташей — он придерживает открытую дверь и шлепает девушку по заднице, когда она выходит.

Определенно, мне нет необходимости разговаривать с ним, потому что я знаю его достаточно хорошо и представляю, что именно он скажет. Что-то вроде: «Ты никогда не проигрываешь. Ты либо побеждаешь, либо осваиваешься». Или «Неудача — это состояние души». То, что он, вероятно, прочел на стенах своего спортзала. Я всегда думал, что такие лозунги для лузеров — но прямо сейчас был бы не прочь услышать это.

Я захожу в туалет и плещу немного воды на лицо, а затем смотрю на себя в зеркало. Я по-прежнему хорошо выгляжу, но во мне произошли изменения. Я все тот же парень, что и несколько недель назад. Мне просто необходимо выбраться отсюда, трахнуть самую красивую женщину, которая попадется на глаза, и искоренить в себе этого гребаного паникера.

Прежде чем осознаю это, я снова в баре. Улыбаясь, прохожу сквозь толпу сексуальных тел. Сканируя охотничьим взглядом представленные экспонаты, оценивая и разглядывая их, словно знаток вин на юге Франции.

Сразу же понимаю, что нашел ту самую девушку. У нее светлые волосы, темные брови, а губы выглядят так, словно всегда сложены бантиком. Она непринужденно танцует с подругами. Ее маленькое черное платье короткое настолько, что демонстрирует всю длину стройных ног, а декольте достаточно глубокое, чтобы показать дерзкие сиськи, которые вздымаются на фоне ее стройного тела, как горы сексуального потенциала.

Я наблюдаю за ней в течение нескольких минут, пока она не замечает меня. Она одаривает меня понимающей сексуальной улыбкой и продолжает танцевать — хотя в этот раз это все уже для меня. Девушка поворачивает голову, оглядываясь на меня через плечо, медленно покачивая задницей из стороны в сторону и демонстрируя свои заманчивые изгибы и похотливый взгляд, словно мы одни в этом баре. Если кто-то и знает, как представить свое тело в выгодном свете, то это точно модель, и она проводит мне полноценную экскурсию по своим взывающим к моему члену изгибам.

Она начинает медленно отходить в сторону, хитрой улыбкой на лице и этими завораживающими бедрами зазывая меня следовать за ней. Я с удовольствием поддаюсь ее уловке — в конце концов, я же джентльмен. Каким-то образом ей удастся найти свободное пространство в баре, не занятое извивающимися телами, и я подхожу все ближе. Здесь темно и совсем близко к выходу. Она не оглядывается — уверена, что я у нее на крючке. А я не имею ничего против. Я упиваюсь ее телом, желая иметь гораздо больше, чем одну пару глаз, чтобы сосредоточиться на каждом идеальном фрагменте: начиная от лодыжек и заканчивая золотистыми волосами.

Мы действуем синхронно. настолько синхронно, что ей даже нет необходимости оборачиваться. Едва дойдя до угла, она разворачивается, хватая меня за рубашку и притягивает к своим губам. Мое тело реагирует, и, не успев еще сообразить, я уже

прижимаю ее к стене, а руками хватаю за талию.

Я так яростно кусаю и сосу ее губы, словно они — глоток воды в пустыне. Она пахнет как шампанское за тысячу долларов, ее тело идеально подходит моему, словно нам предназначено было оказаться здесь и сейчас, наш пот и похоть смешиваются в единый коктейль. Я проталкиваю язык в ее рот, и этот вкус сводит меня с ума. Я знаю этот вкус. Эту влажность, похожую на сладкие фрукты. На смесь их соков. На дозу алкоголя, которую ты совсем не ожидаешь, но которая возносит тебя на небеса. На смесь вишни и красного вина.

На Лиззи.

Мое тело вновь реагирует — только на этот раз в противоположном направлении. Я снова прижимаю ее к стене, а сам отступаю, раскрыв рот и вытаращив глаза. Я в шоке. И когда она понимает, что целует воздух там, где раньше был я, то открывает глаза и выглядит столь же ошеломленной.

Мы так и стоим, уставившись друг на друга в течение нескольких секунд. Я, смотрящий на нее, словно она только что превратилась в аллигатора, и она — с таким растерянным взглядом, подобный которому мне доводилось видеть лишь у Брандо, когда я пытался объяснить ему принципы архитектуры.

Затем она кладет руку на мою грудь, отталкивает меня и возвращается обратно к танцующей толпе, качая головой. Я вяло хватаю ее за руку, но ничто не в силах удержать женщину, когда она смотрит на тебя таким взглядом. Я теряю ее из виду в скоплении тел и остаюсь стоять там в одиночестве.

Что-то не так со мной. Что-то очень не так.

Вернувшись домой, я раздеваюсь от самого входа, скидывая одежду каждые несколько шагов, и направляюсь к душе. Мне необходимо смыть все это с себя. Мое тело переполнено смесью сексуальных феромонов из бара, яростным разочарованием из-за того, что ушел оттуда в одиночестве, и странной пустотой, которая, думаю, начинает пожирать меня изнутри.

Я рывком открываю дверцу душевой кабины и шагаю внутрь. Как только горячая вода начинает струиться по моей спине, я абстрагируюсь, прислоняюсь к стеклянным стенам моего большого и отлично спроектированного дорогого душа. (Единственное, чего вам никогда не расскажут о больших домах, так это того, что в них гораздо проще чувствовать себя одиноким).

Я стараюсь выкинуть из головы тяжелые мысли о Лиззи и подумать о чем-то, что делает меня счастливым. Самое странное, что эти мысли тоже включают в себя Лиззи. Как один и тот же человек может заставлять тебя чувствовать себя так плохо, но в то же время так хорошо?

Воспоминания кадрами проносятся в голове, как киномонтаж, словно листаешь старый фотоальбом. Я останавливаюсь на тех, которые мне нравятся.

Лиззи и я в моем «Феррари» на фоне горизонта ЛА, пока я обучаю ее сосать мой член. Ее глаза, сосредоточенные на мне, пока она покоряет танцпол в одиночку. Лиззи в чулане на

свадьбе ее бывших друзей, несдержанная и отчаянно трахающаяся. Моя рука тянется к члену, каменно-твердому с того момента, как я позволил себе думать о ней. Та умильно-странная напряженность между нами, когда она мастурбировала на моем диване. То чувство контроля, проникающее в мою голову. То удовольствие, когда она не в силах сдержать эмоции, переполняющие ее. Тот первый раз, когда я опробовал ее киску на голливудской вечеринке...

Мой разум останавливается на ее образе в магазине нижнего белья: изгиб ее задницы, подчеркнутой подвязками, ее сиськи, приподнятые кружевным лифчиком для моего же восхищения. То, как она сгибает колено и слегка вращается из стороны в сторону, чтобы разглядеть себя со всех сторон — маленький жест, который возбуждает меня больше, чем самый сексуальный приватный танец. Это так красиво, что я помню каждую деталь: запах ее ароматной кожи, прядь волос, свесившуюся над глазом, ее плечо, слегка ссутулившееся, словно она кинозвезда пятидесятых, играющая роль скромницы.

В своих мечтах я протягиваю руку и провожу ею по заднице Лиззи. Двигаясь вверх к выемке на ее спине — изгибу, от которого я мог потерять чертов рассудок, лишь взглянув на него. Моя кровь становится приблизительно на три градуса жарче в ее присутствии, и я ощущаю, что могу рушить здания, когда она обращает взор своих глаз на меня. Она, черт возьми, истинное совершенство. Я не изменил бы ни один сантиметр ее тела.

Я помню, как она ощущалась подо мной, прижатая к стене. Ее рот, призывающий в себя мой язык. Ее стройные бедра, прижимающиеся к моим ногам, когда она отдавалась мне. Мягкое местечко под ушком, о существование которого знаю только я. Она пытается скрыть его, и наши головы игриво сражаются, пока я стараюсь подобраться губами как можно ближе к нему, а когда начинаю нежно посасывать его, то ее сиськи напротив моей груди подрагивают в унисон вибрации ее трепещущего тела.

Я держу ее запястья над головой. Она моя пленница, как физически, так и эмоционально. И она не хотела бы находиться где-либо еще. Я скольжу рукой вниз по ее животу, щекоча пальцами шелковистую кожу, и запускаю их во влажность ее киски. Ее тело бьется в конвульсиях напротив меня, она стоит на цыпочках, удерживаемая моими пальцами в ней и моей грудью напротив ее.

Она подгоняет меня языком, пока я работаю пальцами в ней — сначала нежно, слегка отступая, но медленно и уверенно прокладывая себе путь глубже. Достигая именно тех мест и именно так, как ей нравится. Нажимая на точки, делающие ее горячей, вынуждающие ее терять контроль и ощущать себя марионеткой в моих руках, когда я могу сделать с ней все, что пожелаю. Ее убийственный взгляд умоляет меня протолкнуться еще глубже, чтобы получить еще больше этих прекрасных ощущений.

Я угождаю ей. И ее глаза стекленеют, словно удовольствия для нее слишком много. Она падает, ее мышцы слабеют, голова откидывается назад от головокружения, вызванного достигнутым освобождением, а тело бьется в конвульсиях еще несколько мгновений. Ее губы, влажные и припухшие, приоткрываются, а глаза, сонные и удовлетворенные, смотрят на меня.

Я жестко кончаю. Горячая струя выстреливает из меня, утекая вместе с водой в канализацию, как и мои надежды снова сблизиться с Лиззи. Я пытался сдержаться. Старался продлить момент. Старался удержать его в этом сладком местечке между удовольствием и облегчением, но не смог — я не знаю, когда следует останавливаться.

Это всегда было моей проблемой.

Глава 6

Лиззи

— Оно потрясающее! — кричу я Джаксу, когда тот направляется ко мне.

С той минуты как свернула на извилистую подъездную дорожку и до настоящего момента я испытываю головокружительное восхищение. Здание словно прямиком из научно-фантастического фильма, но отлично гармонирует с окружающими его холмами и кажется органично вписавшимся в пейзаж. Огромные арочные окна со ставнями, почти как во дворцах, бросаются в глаза и заставляют задуматься, насколько же удивительный вид открывается изнутри. Я почти уверена, что где-то свернула не туда и очутилась в фильме Орсона Уэллса, но замечаю высокую элегантную фигуру Джакса у главного входа и тут же чувствую возбуждение.

— Тебе нравится? — спокойно спрашивает Джакс.

— Я люблю его! Я имею в виду, вау! Оно намного больше, чем выглядело на фотографиях.

— Ага, — говорит Джакс, оглядываясь на здание, словно пытаюсь увидеть его моими глазами, — теперь оно практически закончено.

— Оно великолепно выглядело на фото, но вживую просто... захватывает дух.

Джакс переводит свое внимание обратно на меня. Что-то в его пристальном взгляде кажется другим, далеким, и я замечаю, что он говорит чуть медленнее, чуть тише, чем обычно.

— Большинство вещей лучше воспринимаются вживую, — еле слышно бормочет он со своей типичной кривой ухмылкой. — Позволь провести тебе экскурсию.

— Веди меня.

Я следую за Джаксом по лестнице к главному входу и, как только приближаюсь, не могу сдержать желания провести пальцами по изгибам и текстуре дверного проема.

— Вызывает желание прикоснуться к нему, да? — спрашивает Джакс.

— Это так... нестандартно, но так привлекает.

— На это и рассчитано, — говорит Джакс, открывая дверь и жестом приглашая меня войти в гигантское открытое пространство.

Кажется, что оно шириной в пару километров и не менее километра вглубь. Потолочные перекрытия маячат наверху, на уровне второго этажа, по периметру которого сделан балкон, открывающий вид на всю комнату. Это всего лишь холл, но он похож на квартиру с открытой планировкой.

Справа пол приподнят, создавая некое подобие подиума, собранного из деревянных

панелей. Здесь расставлена низкая, в коричневых тонах мебель в японском стиле. В противоположном углу уровень пола понижается и получается нечто вроде ниши, в которой дерзость основных цветов и сочетание разных материалов и текстур создают эффект уютного гнездышка в окружении стеллажей с книгами.

— Итак, я думаю, что основной сбор участников будет здесь, — официальным тоном говорит Джакс, не замечая, что моя челюсть находится где-то на этом фактурном полу.

— Оно огромное! Даже снаружи оно выглядит не таким большим! Оно похоже на «Тардис»! *(Примеч. «Тардис» — машина времени и космический корабль, изобретенная на Галлифрее из сериала «Доктор Кто». Продукт технологии Повелителей Времени, хороша управляемая ТАРДИС может доставить своих пассажиров в любую точку пространства и времени. Изнутри ТАРДИС намного больше, чем снаружи).*

Джакс хмурит брови и косится на меня.

— Что такое «Тардис»?

— «Доктор Кто»?

Джакс качает головой.

— Ладно, ясно, — говорю я, — ты слишком крут для того, чтобы сознаться в этом. А вся суть в том, что здесь великолепно! Гости будут в полном восторге! Это могло бы даже стать бесплатной рекламой для тебя. Не то чтобы тебе это нужно. Но серьезно, Джакс. Вау.

— Помещение производит впечатление открытого, но все же каждая зона ощущается отдельной, когда ты находишься в ней, — поясняет Джакс, сосредоточенный на деле. — Если хочешь, можем убрать мебель или поставить что-нибудь более функциональное?

— Нет. Это идеально. Наши гости ищут чего-то нестандартного. Они отчасти устали от мероприятий типа «стоять ровно и выглядеть соответственно».

Джакс кивает. Почему-то это больше похоже на деловую встречу, чем на встречу друзей. Хотя, вероятно, я придаю этому слишком большое значение. Судя по мешкам под глазами, у него была бурная ночь. Я чувствую укол ревности, но заталкиваю ее поглубже. Не мое дело, как Джакс теперь проводит ночи.

— У вас на приеме будут играть музыканты? — продолжает он. — Какое будет меню?

— Да... Гхм... как насчет того, чтобы поместить группу здесь? Где кухня?

Джакс идет к другому входу и толкает двери.

— Вот она, оборудована и готова к работе. Если ты уже знаешь своего шеф-повара, то он может направить Люси свои пожелания или приехать и проверить все сам.

— Люси? — новая вспышка ревности. Какая глупость.

— О, мой деловой партнер. Она обычно здесь, но, полагаю, не сейчас. Обычно ее слышно раньше, чем можно увидеть.

Я киваю, напоминая себе усмирить свой пыл.

— Круто.

Несколько секунд я стою и разглядываю Джакса, пока он смотрит в другую сторону. Между нами всегда было притяжение, всегда какая-то напряженность, но в этот раз все немного по-другому. Немного странно.

Джакс выглядит задумавшимся, в каком-то угрюмом напряжении. Он все так же притягателен, как и всегда, но в этот раз я чувствую, что он что-то скрывает. Что-то, что уничтожило бы меня, выпусти он это на свободу. Находиться рядом с ним всегда подобно вращению звезды по орбите — его орбита притягивает тебя. Теперь это кажется почти пугающим.

— Я покажу тебе территорию, — внезапно говорит Джакс, очевидно, отбрасывая свои мысли и возвращаясь к делу.

Я следую за ним еще через несколько дверей, пока мы не оказываемся на потрясающей территории. Гигантский бассейн, невероятная терраса и великолепный вид, еще больше захватывающий дух, чем перед фасадом здания — но Джакс по-прежнему сейчас такой странный, что мне трудно сосредоточиться. Каждый раз, когда он смотрит на меня, я почти чувствую, как он собирается что-то сказать или спросить, но затем снова замолкает или заводит разговор об архитектуре. Это сводит меня с ума, но я не хочу ничего начинать — вдруг мне это просто кажется? Возможно, у него действительно была просто бурная ночь.

— Что думаешь? — спрашивает Джакс, отступая, чтобы я могла охватить взглядом фантастический вид, открывающийся от здания.

— Думаю, это прекрасно, — отвечаю я, делая шаг на мягкую траву и вертя головой, чтобы разглядеть все. — Думаю, что ты один из самых талантливых людей, которых я когда-либо встречала в проектировании подобного. И считаю, что приглашенные люди будут столь же впечатлены.

Я смотрю на Джакса, но он слишком занят разглядыванием открывающегося вида. Нет никакого смысла дальше отрицать. Что-то произошло. Джакс, которого я знала, всегда сосредоточен, всегда в курсе и начеку, всегда реагировал на обстановку, словно заранее знал, что произойдет в ближайшее время. Действовал мгновенно, словно настолько уверен в себе, что ему нет необходимости думать, а достаточно положиться на свои животные инстинкты.

Но это не тот Джакс, на которого я смотрю прямо сейчас. Передо мной отстраненный Джакс. Говорить старается равнодушно, но я чувствую сжигающее его напряжение. Это определенно что-то новое, и, если честно, безумно сексуальное. Мое тело на взводе, оно остро реагирует на вибрации возбуждения, исходящие от него. Ожидает. Но чего?

— Здесь нам понадобится сцена, ты не против? — спрашиваю его. Теперь уже я пытаюсь сфокусироваться на работе.

— Конечно. А разве группа будет не внутри?

— Да, но у нас будет проходить нечто вроде аукциона, чтобы собрать деньги. Главный лот — свидание с известным голливудским актером.

— Забавно. Кто-нибудь, кого я знаю?

— Ты видел фильм об иракском солдате, который возвращается в США в поисках женщины, изображенной на фотографии?

Джакс почесывает подбородок, пока размышляет.

— Ни о чем не говорит.

— А что насчет того фильма, где пара с новорожденным живет по соседству с общагой?

Джакс отрицательно качает головой.

— Ты действительно не смотришь фильмы, да?

Джакс смеется.

— Честно говоря, нет.

Я одариваю его самой радушной улыбкой, на которую только способна.

— Существует много других занятий, которые ты предпочел бы больше, верно? — говорю я, надеясь подразнить его и тем самым заставить снова рассмеяться, чтобы разрушить непроницаемый барьер, которым он отгородился сегодня на весь день.

— Например, давать консультации по поводу отношений, ты это имеешь в виду?

Я хихикаю.

— Да. Ну, ты довольно хорош в этом. Хотя у меня и не было множества свиданий, но я не могу представить, чтобы все прошло лучше, чем с Джеймсом.

— Это... потрясающе, — говорит Джакс с некоторой заминкой, словно он не совсем уверен, какое слово употребить. — Думаешь, это сработало?

Джакс смотрит на меня таким горячим взглядом, что я чувствую, как он словно прожигает мою одежду. Что это? Сексуальное напряжение? Конечно, так и есть. Я такая идиотка, что не поняла этого раньше. *«Не своди колени вместе, Лиззи. Джакс прекрасно знает, что это значит»*, — говорю себе.

— Не знаю, — отвечаю я, хотя это только потому, что Джакс не особо настроен направлять в мой адрес свои животные инстинкты. Трудно разговаривать с Джаксом о другом парне, когда он так близко, что можно почувствовать запах его одеколona. — Может быть? — единственное, что мне удастся вымолвить.

— Полагаю, ты борешься с огромным количеством привычек, которые приобрела в моем обществе, — говорит Джакс, его кривая ухмылка выглядит особенно вкрадчиво. И сексуально.

Я улыбаюсь, поскольку рада, что он открывается, но веду себя немного осторожнее. Я очень надеюсь, что странность Джакса не связана со мной и Джеймсом. В это довольно трудно поверить, и я стараюсь выбросить эту мысль из головы — надо быть чересчур наивной, чтобы подумать, что Джакс станет ревновать — и довольно самонадеянно полагать, что он стал бы ревновать *меня*.

— Секс — это еще не все.

Джакс слегка смеется и смотрит вниз на свои ноги. Когда он поднимает взгляд на меня, его глаза одновременно пугают и вызывают трепет, будто я попала в луч прожектора. Я замечаю, как легкий порыв ветра слегка перебирает его волосы и прижимает рубашку к груди, словно хочет схватить и притянуть его тело так же сильно, как и я прямо сейчас. *Прекрати, Лиззи. Подумай о Джеймсе*. Так я и поступаю. Проблема в том, что это не помогает.

— Ты права, — говорит он, его голос звучит почти мечтательно, — это не все. Но это довольно хорошая замена.

Мое внимание переключается от тела Джакса к его лицу. Мне кажется, что я замечаю на нем выражение сожаления — но, с другой стороны, существует множество людей, утверждающих, что видели НЛО, что кажется более вероятным.

— Мне следует... наверно... — я заикаюсь, пытаюсь подобрать слова, которые выведут меня из этой странной комбинации похоти, невысказанных эмоций и реальной потребности вернуться в офис и отчитаться перед боссом, прежде чем он уйдет.

— Да, — говорит Джакс, улавливая мое колебание.

Никакой руки на поясице, чтобы проводить меня. Никакого остроумного замечания в завершение разговора. Никакого прощального поцелуя. Иногда именно эти невинные жесты, которых люди *не* делают, больше всего бросаются в глаза.

Впервые я в доме Джеймса, и он совсем не похож ни на дизайнерский дом Джакса, ни на какой-либо еще. Если бы мне пришлось представить, какой дом у Джеймса, я, вероятно, угадала бы большую часть. Семейные фото почти на каждой поверхности. Спортивный инвентарь в коридоре. Нейтральные цвета. Подобранная со вкусом, но недорогая мебель. Аккуратный, но обжитой. У Джеймса множество качеств, но оригинальность в их число не входит.

На ужин был стейк с картофелем и зеленью. Простая, сытная, практичная еда, которую Джакс и советовал мне готовить для Джеймса, и тот сказал, что именно такая еда ему и нравится. Разговор начался от планов на будущее и перешел к забавным историям о глупостях, совершенных в детстве, а затем вернулся к нашим нынешним жизням. В целом, это было обычное американское романтическое, но «милое» свидание.

Однако, последние пару минут мы смотрим друг на друга в абсолютной тишине. Я потягиваю свое красное вино медленно, ненавязчиво и чувственно. Джеймс наблюдает за мной с возрастающей энергией в глазах. Мы оба знаем, что не можем продолжать разговаривать о безопасных районах всю ночь — настало время для немного запоздалых действий.

— Я отнесу тарелки на кухню, — говорит Джеймс, его голос становится немного ниже, — почему бы тебе пока не устроиться поудобнее.

— Я определенно готова устроиться *поудобнее*, — говорю я с выразительным намеком.

Я вспоминаю прошлый мини-провал в конце нашего последнего свидания. Интересно, захочет ли Джеймс еще обсуждать границы нашей физической близости, прежде чем мы перейдем к делу. (А почему бы и нет? В конце концов, он доктор. Так мило с его стороны отнестись ко мне с таким уважением и не воспользоваться шансом. Хотя, если он *все же* захотел бы воспользоваться шансом, я, конечно, не возражала бы...). Что он в прошлый раз говорил про уровень контакта? Могу ли я устно пробежаться по всему «вышеупомянутому» и позволить ему на практике выяснить остальное? Нет. Джакс сказал, мы должны пройти через это.

Я улыбаюсь своей самой озорной улыбкой и встаю, пока Джеймс собирает тарелки и уходит на кухню. Время пришло.

Мое тело завибрировало в тот момент, когда я встретила Джеймса. Нервное возбуждение пронеслось по моим конечностям в ту секунду, когда мы столкнулись в продуктовом магазине и сразу же пошли выпить по чашечке кофе. Тогда мне казалось, что это волнение вызвано знакомством с новым человеком, предвещающим что-то стоящее. Когда это чувство не утихло и на втором свидании, я приняла это за знак, что Джеймс идеальный кандидат. Теперь, когда я сижу здесь, и это томящее чувство добралось до всех чувствительных частей моего тела, становясь все более интенсивным, я понимаю, что именно оно значит.

Я ни с кем не спала с тех пор, как закончилось наше «соглашение» с Джаксом, и сейчас страдаю от воздержания.

Не помогло и то, что сегодня я виделась с Джаксом — в его совершенно новом амплуа темной лошадки. А его задумчивые брови и статное величие в сочетании с только ему характерными движениями, вызывали во мне желание разорвать на нем брюки и проглотить его член целиком. Мы пробыли вместе не больше десяти минут, и на этот раз я была рада, что наша встреча была короткой. Если бы я осталась всего на несколько секунд дольше, то мышечная память одержала бы верх, и я прижала бы его к земле со всей свирепостью

атакующего футболиста.

Настала очередь Джеймса показать мне, на что он способен, и если он даже наполовину не так хорош, как Джакс, я буду очень счастливой женщиной.

Я захожу в гостиную и на мгновение задумываюсь, а не отправиться ли сразу в спальню, но затем отгоняю эту мысль подальше. Он может подумать, что я слишком тороплю события — да и секс на диване меня устраивает. Джакс «преподавал» мне это.

Я закидываю ногу на ногу, чтобы моя обыкновенная юбка до колен дразняще приподнялась, расстегиваю несколько пуговиц на своей безразмерной блузке и откидываюсь на спинку дивана в лучшей позе обольстительной учительницы.

Джеймс входит в комнату и останавливается, заметив приглашение в моих глазах. Я хлопываю по месту на диване рядом с собой, и он улыбается, направляясь ко мне немного нервным шагом.

— Почему у меня такое чувство, что меня собираются съесть заживо? — смеется он, садясь, и я провожу руками по его спине.

— Потому что ты прекрасно догадываешься о том, что должно произойти, — нежно мурлычу я.

Джеймс снова смеется, все еще находясь в режиме «игривого флирта». Я опережаю его на два шага, молча намекая наверстать упущенное.

— Я хочу, чтобы ты знал, мне очень хорошо. С тобой. Во *всех* смыслах, — я многозначительно смотрю ему в глаза, потом на его промежность, а затем вновь возвращаю свое внимание к его взгляду. Надеюсь, он понимает мой намек, но, на всякий случай, если все же нет, я рискую и действую напрямую. — Я говорю, что готова перейти на следующий уровень. Тебе не нужно спрашивать моего разрешения.

— Гхм... ладно... — говорит он. — Это хорошо.

— Шшш, — говорю я, кладу ладони на его лицо и поворачиваю к своему.

Губы Джеймса едва касаются моих, затем он слегка отстраняется и говорит:

— Должен признать, ты открываешься мне с новой стороны.

Я прижимаюсь к его губам, стремясь испробовать влажность его рта, жесткость его дыхания. Джеймс сдерживается, его губы стиснуты, отчего я не могу попробовать его, а дыхание слишком осторожное, чтобы его ощутить. От этого я еще сильнее жажду его.

Мы целуемся нежно. Думаю, он расслабится постепенно, а я пытаюсь поддразнивать, посасывая его губы. Но когда слегка прикусываю его нижнюю губу, Джеймс дергается, словно это причинило ему боль.

— П-прости, — говорит он, когда понимает, что это было преднамеренно. — Ты застала меня врасплох, вот и все.

Я улыбаюсь, и мы возвращаемся к нашим нежным поцелуям. Я прижимаю руки к его груди, нащупывая накачанные мышцы. Впервые я ощущаю руку Джеймса, нежно прижатаю к моему бедру. Я хватаю ее и кладу на свою грудь, призывая обхватить, ласкать, сжимать и мять, как масло, в его больших ладонях.

Вместо этого рука Джеймса находится на моей груди, как аккуратно положенное пресс-папье.

Меня переполняет отчаянное безудержное желание. Мне необходимо его тело во мне. Я должна почувствовать его страсть, желание, мужественность. Я с силой притягиваю его к себе и проталкиваю язык в его рот, призывая схватить меня, давая ему полное право действовать.

Джеймс задыхается и жадно хватается воздух, словно только что проглотил муху, практически кашляя в мой рот. Пока парень приходит в себя, он опускает руку и цепляется за вырез блузки, его пальцы касаются ложбинки между моих грудей. Наши взгляды встречаются, и он замирает. А затем отдергивает руку с такой скоростью, словно коснулся горячей плиты.

— Ох! Гхм... я не хотел... эх... ну ты понимаешь...

— Но я готова, — говорю я, стараясь не казаться раздраженной, — мне... хорошо.

Я прикусываю губу. Я делаю все неправильно? Это так... отличается от того, что было у нас с Джаксом.

— Знаю, это просто... — он качает головой, румянец покрывает его щеки.

— Что-то не так? — спрашиваю я. Это подходящий вопрос, но звучит он, как обвинение.

— Нет! — выпаливает Джеймс с излишней горячностью. — Нет. Ты на самом деле такая ... — на его лице появляется странное выражение, словно он удивлен, а затем он кивает в направлении моего декольте. — Ты великолепна. Сногшибательна! Я совершенно сражен... *этим*. Я просто хочу... я уважаю тебя, понимаешь? Ты мне на самом деле нравишься, и я не хочу сводить все лишь к этому... ты же понимаешь, бессмысленному.

Я уже застегиваю блузку, одергиваю юбку и поправляю волосы.

— Правильно.

— Ты же понимаешь это, да?

— Конечно, конечно, — говорю я так же убедительно, как и обладатель «Оскара». — Все прекрасно.

Джеймс улыбается. Обычно мне кажется это милым, но я так далека сейчас от этого, что в данный момент его улыбка лишь раздражает меня, выводя из себя. Словно мне на голову вылили ведро холодной воды.

Джеймс еще немного заикается, прежде чем озвучить именно то, что хочет сказать.

— Возможно, на этом пока лучше остановиться. Дадим друг другу немного времени. Что скажешь?

— Думаю, это хорошая идея, — говорю я, вставая и позволяя Джеймсу проводить меня в прихожую.

Джеймс обнимает меня чуть дольше обычного и помогает надеть пиджак.

Я почти выбегаю из квартиры и несусь к своей машине. Ударяю по газам так сильно, что слышен визг шин, и устремляюсь вперед в ночь ЛА. Слезы начинают течь по моему лицу, дыхание учащается. Мои руки дрожат так сильно, что едва удастся удерживать руль, а в животе такой тяжелый узел, словно я только что проглотила двадцатикилограммовый бульжник.

Если для женщины существует что-то хуже того, когда ее трахают, как животное, так это когда ее не трахают вообще.

Я нажимаю на тормоз с такой силой, что машину заносит, и гравий на подъездной

дорожке Джакса разлетается в стороны. Звук визжащих шин и разлетающейся гальки разрезает тишину, словно взрывная волна. Я открываю дверь и выпрыгиваю из автомобиля, направляясь к парадной двери с твердой целью и кипящей кровью, бурлящей в моем теле.

Возможно, виной тому звуки моей машины, его шестое чувство или просто магическая сила судьбы, но, едва я поднимаюсь на крыльцо, Джекс открывает дверь. Из одежды на нем — боксеры и знакомое выражение лица.

Он должен быть удивлен. Сбит с толку. Он не должен был этого ожидать.

Но он наблюдает за тем, как я подхожу к нему, словно предвидел это. Словно знал, что это произойдет. Словно он *знает*.

Последние несколько шагов я практически бегу и бросаю свое тело в его объятия, которые подхватывают и удерживают меня именно так, как мне нужно. Наши языки находят друг друга, словно извивающиеся змеи, занимающиеся любовью. На вкус он потрясающий. Запретный. Как первый глоток алкоголя для подростка. Как первая ночь, проведенная вне дома. Как тот момент, когда понимаешь, что тебе все сошло с рук. Как вкус нового наркотика для наркомана. Как яблоко для Евы.

На вкус он как все, в чем я когда-нибудь буду нуждаться.

Глава 7

Джекс

Когда мне было семь лет, у нас не было много денег. Папа весь день работал на стройке, занимаясь тяжелым физическим трудом, из-за чего так уставал, что, возвращаясь домой, сразу отправлялся спать. В преддверии моего восьмого дня рождения он стал проводить еще больше времени вдали от нас. Я не так уж много хотел в свой день рождения: всего лишь провести немного времени с папой, поскольку мне не хватало его внимания. Мой день рождения выпал на воскресенье. Я сбежал вниз по лестнице, мама сразу поцеловала меня и поздравила, а он всего лишь сказал мне пойти поиграть на улицу. Подавив желание расплакаться, я вышел на улицу... и на дорожке увидел красивый красный велосипед. Оказывается, отец работал сверхурочно несколько недель только для того, чтобы купить его мне.

В старшей школе, сразу после того, как девушки стали превращаться из смешливых худышек в молодых женщин с соответствующими формами и блеском в глазах, я начал давать слабину. Мне необходим был безупречный проходной балл по испанскому языку, чтобы закончить четвертый год обучения. Когда мисс Херрера, молодая учительница с фигурой, напоминающей классическую гитару, оставила меня после уроков, я уже задумывался над тем, чем займусь, когда вылечу за неуспеваемость: придется ли мне

повторить заново весь последний учебный год или просто все бросить и пойти работать. Но вместо этого я потерял девственность и с блеском сдал нечто большее, чем просто тест. После этого я понял, что упустил в подростковом возрасте. Я был «поздним цветком», но быстро наверстал упущенное. Я добился признания, начал ходить на свидания и познал свою власть над противоположным полом благодаря шести кубикам на прессе, ухмылке и несколькими удачным фразами для флирта. И я никогда не оглядывался.

В моей жизни была пара звездных часов. Поворотных моментов. То, что выбивается из общего течения жизни, заполненной наслаждением, успехом и самыми удивительными вещами, которые можно (а часто и нельзя) купить за деньги.

Открыть дверь и увидеть тело Лиззи, которое мчится ко мне, почувствовать ее губы на своих — это, определенно, вершина всего вышесказанного.

Я проваливаюсь в этот момент, словно в прекрасный сон. Поскольку это слишком идеально, чтобы оказаться реальностью, слишком неожиданно, чтобы тут не было подвоха. Я не вижу Лиззи, но округлость ее попки в моих руках ни с чем не спутаешь, а запах ее волос так близок к моему лицу, что на меня накатывают сладкие воспоминания.

Внизу живота извергается вулкан, посылая горячую лаву по моему телу. Я так долго сдерживался, так упорно подавлял желание. Страдания последних нескольких дней сделали мое тело скованным и невосприимчивым, словно оно не хочет выполнять мои указания, но, когда Лиззи запрыгивает на меня, крепко обхватывая ногами за бедра, мое тело вновь оживает.

Я захожу в дом вместе с ней и захлопываю дверь, наши губы не отрываются друг от друга, а языки так чертовски свирепы, словно пытаются задушить друг друга.

Я несу ее в гостиную. Пальцами она зарывается мне в волосы, практически снимая с меня скальп. Она цепляется за мою спину, словно хочет разорвать на кусочки. Не знаю, что происходит, но мне плевать.

Упав на колени на ковер — тот самый, с длинным ворсом, уткнувшись лицом в который я провел пошлую ночь — я кладу Лиззи на спину. Когда я отстраняюсь, ее взгляд почти безумен. Пот блестит на шее, рот открыт, дыхание тяжелое. Она похожа на дикое животное.

Даже если бы я что-нибудь сказал, вряд ли она вообще поняла бы, потому что прямо сейчас единственный желанный для нее способ общения — это физический, и меня это полностью устраивает — я прекрасно им владею.

Схватив блузку Лиззи обеими руками, ярываю ткань, обнажая нежную плоть ее вздымающихся сисек. Легким движением руки расстегиваю переднюю застежку ее лифчика и отбрасываю его в сторону. Я набрасываюсь на нее, как волк на добычу, посасывая и покусывая ее твердые соски. Грудь Лиззи перекачивается и выгибается под моими губами и языком, как извивающееся животное. Она проводит рукой вдоль моей спины, оставляя царапины от ногтей, перемещается по шести кубикам пресса, а затем поглаживает и стискивает мое достоинство. Она груба — слишком возбуждена для деликатности — но я так напряжен, что даже удар молота не причинил бы мне боли.

Я так долго этого ждал, и теперь, когда момент настал, мой член не подводит меня — он тверд, как сталь.

Я провожу языком дорожку вдоль ее живота к пупку. Лиззи стонет, прерывисто дыша, ее бедра толкаются мне навстречу, словно живут отдельной от всего тела жизнью. Я хватаюсь за пояс ее юбки и стягиваю вниз. Она ерзает и выгибает тело, помогая мне: ее бедра, киска и ноги постепенно открываются моему взору, словно у гребаной греческой

богини, выходящей из океана.

Трудно что-либо забыть в Лиззи, но я определенно забыл, насколько прекрасна ее киска.

Я погружаюсь в нее языком, поглаживая клитор губами. Обвожу языком так, словно рисую картину. Животное внутри меня просто хочет трахать Лиззи до потери сознания, но в глубине души существует что-то еще более сильное, требующее, чтобы она стонала сильнее, вздыхала больше, содрогалась и тряслась в моих объятиях еще неистовее.

Ее бедра начинают извиваться, как у восточной танцовщицы, а руками она вцепляется в ковер, словно мы на тонущем «Титанике». Низкое мурлыканье превращается в неконтролируемое завывание. Грациозным движением она поворачивается всем телом, ее киска все еще напротив моего лица, но зато теперь мои боксеры напротив ее рта. Пока я продолжаю вылизывать ее — на этот раз в противоположном направлении — она стягивает мои боксеры и выпускает на свободу тот орган, который все это время дразнила и поглаживала, как любимого домашнего питомца.

Пока работаю пальцами внутри нее, дразня стеночки, о которых я не переставал думать с того последнего нашего раза, она берет в рот мой член. Либо она забыла все, чему я ее обучал, наставляя работать медленно, либо слишком неистова в своем желании, чтобы переживать по этому поводу — в любом случае это неважно, поскольку, когда я чувствую губы, обхватывающие мой член, теплую влажность ее рта и напористые движение языка, мне приходится сжать ягодицы, чтобы не кончить. Она берет его так глубоко, что я ощущаю стенку ее горла и чувствую ее легкие рвотные позывы. Это так сильно возбуждает, что вся кровь приливает к члену, отчего голова начинает кружиться.

Я могу заниматься этим часами: лежа в таком положении, окунать лицо в ее пьянящий аромат, ее вызывающий зависимость вкус, пока она делает то же самое. Но я должен трахнуть ее. Мне нужно видеть ее. Мне необходимо так глубоко погрузить в нее свой член, чтобы быть не в состоянии выбраться. Я отстраняюсь и тянусь к тумбочке, где беру презерватив и за секунды надеваю его.

Лиззи ахает, когда я подхватываю ее под ягодицы и поднимаю в воздух, ставя на четвереньки. Черт возьми, я мог бы просто сидеть и пялиться на ее задницу, я мог бы кончить, просто смотря на изгиб ее талии и на то, как беззащитно она выгибает спину. На самом деле я не могу — ни один мужчина не смог бы сопротивляться желанию сделать то, что я планирую. Даже дикими лошадьми невозможно было бы остановить мой член, желающий вонзиться в нее. Пистолет у моего виска, нож у шеи — ничто не смогло бы меня остановить.

Я хватаю ее за бедра и дергаю назад на свой член, резко погружаясь в нее. Прерывистые звуки ее стонов звучат для меня церковной музыкой, а от ударов моих бедер по заднице Лиззи ее ягодицы становятся красными. Все это ощущается совершенно идеальным. Это мой рай.

Она стонет, пока я снова и снова врезаюсь в нее, все глубже и глубже. Мне не нужно слышать ее слов, чтобы понять — она жаждет большего. И я даю ей это.

Я тяну за волосы, хватаю за горло, протягиваю другую руку и грубо сжимаю сиськи, призывая ее задницу двигаться еще быстрее. Мой член такой твердый, и кажется, что он заполняет ее до отказа. Я вгоняю его круговыми движениями, будто что-то ищу, а когда нахожу ту самую точку, она кричит, как одержимая. Это крик, вырывающийся из глубины души — именно так вы кричите, когда вам кажется, что вы встречаетесь с Богом. Я

продолжаю задевать ту самую точку все быстрее и быстрее, а она продолжает задыхаться и стонать до тех пор, пока в ее теле не остается больше кислорода, и оргазм, словно шторм, накрывает ее.

И как только ее тугая влажная киска начинает сжиматься вокруг моего члена, я кончаю в ней, как набирающая скорость волна цунами.

Я сжимаю ее талию и откидываю голову назад, чуть ли не воя от удовольствия. Когда все утихает, я скольжу руками по ее бокам и обхватываю груди, после чего мы падаем на ковер, как загнанные лошади. Лениво я стягиваю презерватив, завязываю его и бросаю на свою одежду.

Лиззи мурлычет и тихо стонет, отголоски оргазма все еще проносятся по ее телу. Я смотрю на ее шею и перекидываю роскошные волосы через плечо.

Впервые с момента ее появления мне стало любопытно, почему она здесь. Она должна быть с Джеймсом. Предполагалось, что наша договоренность закончилась. В любом случае, это явно не было уроком.

Однако не нужно быть гением, чтобы понять. Лиззи скучает по этому. Если, конечно, у Джеймса не раздвоение личности, то он точно не должен быть хорош в постели. Такое могу дать только я.

Я единственный — и хочу, чтобы она поняла это. Это может стать моим последним выпавшим шансом.

Я осторожно просовываю руку ей под шею и под колени, поворачиваю к себе и поднимаю. Глаза Лиззи полузакрыты, все еще шальные после оргазма. Она мечтательно смотрит на меня, словно просыпаясь, а я несую ее в спальню, кладу на кровать и ложусь рядом.

Мы смотрим друг на друга, кажется, несколько часов. Прямо в глаза друг друга. Не произносим ни единого слова. Не делаем ни единого движения.

Я подношу руку к ее лицу и поглаживаю его. Нежно убираю волосы от ее лица, проводя большим пальцем по щеке. Она улыбается и закрывает глаза.

Это происходит настолько же медленно и нежно, насколько быстро и жестко все происходило в гостиной. Мы целуемся, едва соприкасаясь губами, наше дыхание смешивается, и между нами вспыхивают электрические искры. Я чувствую покалывание от ее прохладных рук, исследующих мой пресс, но оно настолько нежное, что боюсь, все это лишь игра моего воображения. Сантиметр за сантиметром наши тела сближаются, и каждый нерв наслаждается этим контактом, упиваясь ощущениями.

Я протягиваю руку к краю кровати и достаю презерватив. Лиззи сразу же забирает его у меня, и, пристально глядя мне в глаза, вскрывает упаковку и благоговейно подносит его к головке моего члена. Осторожно она раскатывает его и легкими прикосновениями своих нежных пальцев вдоль моего члена убеждается, что все сделала как надо.

Я резко выдыхаю и тянусь к ней, но она просто всасывает два моих пальца в рот, а другую мою руку кладет себе на грудь, где под теплой кожей ощущается ее сердцебиение.

Потом Лиззи садится на меня сверху — мой член уже опять твердый, в полной готовности между ее бедрами, но не так как раньше. До этого он был похож на раскаленный докрасна стальной жезл, теперь же он выглядит как изваянный из мрамора — гладкий и чувствительный. Мы не отводим друг от друга взгляда, пока она нежно проводит кончиком моего члена по клитору. Руками я исследую ее тело, улавливая малейшие вибрации, поднимающие дыбом крошечные волоски на ее спине и плечах.

Она удерживает головку моего члена напротив своего гладкого отверстия, кажется, целую вечность, опускаясь на меня постепенно, останавливаясь и прислушиваясь к реакции своего тела, наслаждаясь предвкушением так же сильно, как и самими ощущениями. Когда она полностью впускает меня внутрь, я слегка приподнимаюсь, и она оказывается сидящей верхом на мне, обхватив ногами. Наши бедра приходят в движение одновременно. Наши тела медленно сливаются воедино, а руки все еще нежно исследуют друг друга.

Словно два барабанщика, играющих на расстоянии друг от друга и медленно достигающих синхронности, мы находим подходящий ритм. Медленный ритм, готовящий нас к чему-то значительному. Бедрами Лиззи сжимает меня по бокам, выгибает спину, а ее киска стискивает мой член. Я отплачиваю ей тем же, сжимаю ягодицы и вхожу еще глубже, подстраиваясь под ее толчки, облизывая и покусывая ей грудь.

Все это время мы молчим, тишину нарушает только звук нашего тяжелого дыхания, но я начинаю стонать, так как ощущаю нарастающую пульсацию сексуального освобождения. Лицо Лиззи искажается мольбой, отчаянием, растерянностью.

— Трахни меня, Джакс, — хрипло говорит Лиззи, — пожалуйста.

— Я хочу трахать тебя вечно, Лиззи. Я хочу, чтобы твое тело стало моим. Хочу слышать, как ты выкрикиваешь мое имя. Снова и снова.

— Джакс.

Она начинает содрогаться, и наши тела так близко, что я испытываю то же самое.

— Джакс.

Лиззи истекает влагой, ее сотрясает дрожь, и она наконец-то позволяет себе выпустить все чувства на волю.

— Джакс.

Она обвивает руки вокруг моей шеи и притягивает меня к груди, когда кончает на мне.

— Джакс...

Я закрываю глаза. Это все, в чем я когда-либо мог нуждаться.

Глава 8

Лиззи

Это произошло на самом деле? Это ведь сон, да? Не открывай глаза, Лиззи. Не открывай их — на всякий случай, если это не сон. Просто держи их закры...

Черт.

Он здесь. С его идеальными скулами и волосами, которые никогда не выглядят взъерошенными — даже когда так и есть. Он находится лицом ко мне, его глаза закрыты. Он, безусловно, спит, но ухмылка на его лице определенно точно дает мне понять, что

произошедшее вчера вечером точно не сон.

На точеном силуэте его подбородка я вижу оранжево-голубой отблеск восходящего солнца.

Черт возьми! Сегодня — день благотворительного мероприятия! *Из всех моментов в жизни, чтобы так накосячить и обеспечить себе кучу неприятностей, ты, Лиззи, конечно же, выбрала самое неподходящее время.*

Двигаясь осторожно, я переворачиваюсь и встаю с постели. Стараюсь действовать как можно тише — это не так уж сложно, учитывая, что я абсолютно голая и даже не прикрыта простыней.

На цыпочках выхожу из спальни и направляюсь в гостиную. Чувствую себя сумасшедшей, и, вероятно, выгляжу смешно, но пока меня никто не видит, мне плевать. Я нахожу свою одежду и надеваю все, за исключением трусиков и лифчика — уверена, Джакс будет рад добавить их в свою коллекцию.

Да благословит Бог архитектурный талант Джакса, поскольку входная дверь бесшумно открывается и закрывается без особых усилий, и я бегу босиком по гравию к своей машине. Ключ все еще в замке зажигания, словно знал, что мне понадобится совершить побег. Несколько секунд спустя я мчусь оттуда в сторону дома, увеличивая скорость, словно если буду ехать достаточно быстро, то оставлю свои проблемы позади.

Черта с два!

Прямо сейчас моя самая большая проблема гораздо больше, чем огромное благотворительное мероприятие, на которое прибудет почти тысяча человек и которое у меня под контролем (как уверен мой босс); больше, чем мой уход со свидания с хорошим парнем, который мил и добр ко мне, ради того, чтобы трахнуть Джакса. Самая большая проблема сейчас в том, что я чувствую себя чертовски *превосходно*.

Мне хотелось бы чувствовать себя мерзкой и ничтожной из-за того, что я только что совершила. Мне хотелось бы, чтобы я чувствовала себя виноватой и раскаивающейся. Мне бы хотелось чувствовать себя превосходно из-за слов Джеймса, что он очень меня уважает. Мне бы хотелось, чтобы я не совершала всего этого, ведь абсолютно понятно, что для меня это плохо.

Это было бы *так легко*. Джакс заставляет меня чувствовать себя так хорошо, такой живой. Он все делает правильно — в подходящее время и в подходящем месте. Но он делал все то же самое с тысячей женщин до меня — и, вероятно, продолжает делать с несколькими тысячами после.

Почему я убежала от Джеймса? Разве он не все, чего я хочу? Порядочный, красивый парень со стабильной работой и большим сердцем, который уважает женщин и будет делать все для меня — разве не этого желают большинство женщин? Тогда почему я воспринимаю все как трудности?

Мой мозг прокручивает столько вариантов, что я думаю об этом всю дорогу и даже не замечаю, как вхожу в свою квартиру. Я хлопаю дверь и прислоняюсь к ней, словно какой-то монстр гонится за мной. Прекрасно понимаю, что хлопанье дверь не спасет, ибо я сама для себя монстр, упорно преследующий и гоняющий саму себя по кругу до головокружения. Я снимаю одежду (что не составляет труда, поскольку Джакс оторвал большинство пуговиц на моей блузке, срывая ее с меня) и мысленно составляю график на сегодняшний день. Душ, завтрак, деловой, но все же привлекательный наряд, составление распорядка на оставшуюся часть дня, а затем работа.

Я запрыгиваю в душ и пытаюсь сконцентрироваться, но это подобно вождению автомобиля по лесу на скорости двухсот километров в час. Так что вместо этого я с остервенением мою волосы, словно пытаюсь смыть беспорядочные мысли, не имеющие никакого отношения к работе.

— А разве не всегда так? — говорю вслух, как будто надеюсь, что кто-то окажется в ванной и даст мне совет. — Хорошие вещи ощущаются плохо, а плохие наоборот хорошо. Именно поэтому сидеть на диетах так тяжело. Именно поэтому я никогда не посещаю торговые центры в день зарплаты. Именно поэтому я вынуждена напоминать себе о тренировках по воскресеньям. Чувствовать себя хорошо — это явный признак того, что ты натворил что-то плохое, и, исходя из этого, Джакс — очень, *очень* плохое.

Выйдя из душа, я мельком смотрю на себя в зеркало. Следы от зубов красуются вокруг моего левого соска — настолько четкие, что вам не нужно быть дантистом, чтобы идентифицировать их принадлежность Джаксу.

— Великолепно. Метка дьявола. Во всяком случае, Джакс знает, как оставлять свои отметки.

Начиная одеваться, я уже чувствую себя почти нормально. Все свои мысли, касающиеся личной жизни, я собираю в кучу, затолкав их в вымышленный ящик для носков, и решаю вернуться к этому, когда у меня появится время, ясность ума и терпение — и это явно не сейчас. В данный момент я могу справиться лишь с одним беспорядком — мне нужно разобраться с тем, что мой босс и вся компания рассчитывают на меня, надеясь, что я преодолею все трудности. *Сконцентрируйся, Лиззи*. Позже у тебя будет время для размышлений. Переживи этот день, а затем все будет намного проще.

Вот что я говорю себе каждый раз. Реальность, кажется, решила, что маленькая Лиззи еще совсем не готова.

Звонит телефон, и я отвечаю на него так быстро, что даже не смотрю на имя, высветившееся на экране. Если бы я все-таки взглянула, то, вероятно, вообще не ответила бы на звонок.

— Привет, МакФлай.

Черт.

— Привет, — говорю я, изо всех сил наполняя свой голос таким притворным энтузиазмом, что чувствую себя порноактрисой.

— Гхм... по поводу прошлого вечера...

— Да, об этом, Джеймс... мне есть, что тебе сказать...

— Нет. Я — единственный, кому следует принести извинения...

— На самом деле, Джеймс, это моя...

— Я вел себя слишком грубо. Слишком напористо. Я прекрасно понимаю. Просто... просто ты выглядела такой красивой. Мне жаль, что у тебя сложилось неверное впечатление. Я не знаю, что на меня нашло. Думаю, я слишком много выпил... того дешевого вина, точно! Послушай, просто дай мне еще один шанс доказать тебе, что меня интересует не твое тело, Лиззи.

Внезапно я задаюсь вопросом, а не является ли Джеймс тем, кто создает трудности. Столько наивности, но в то же время он так слеп и глуп. Если Джеймс считает, что я убежала от него вчера из-за того, что он проявил напористость, то не представляю, как смогу объяснить ему, что он неправ. И когда ты понимаешь, что у тебя нет желания объяснять свои чувства тому, с кем вроде как находишься в отношениях, то, скорее всего, у вас ничего не

получится. Я знаю это.

— Ты не был слишком груб или напорист, Джеймс, — говорю я, мой голос звучит серьезно и решительно. — Если это вообще можно воспринимать как напористость, Джеймс. Как думаешь, чего я хотела?

Джеймс слегка смеется, но прямо сейчас я не в настроении для глупостей.

— Я никогда не умел предугадывать, чего хотят женщины. Ни один мужчина не может!

Я отодвигаю на задний план мысли о том, кто полностью опровергает это заявление — в последние дни его лицо слишком часто предстает у меня перед глазами.

— Я хотела... нет подожди, я *нуждалась* в том, чтобы ты трахнул меня. Но ты этого не сделал. Мы на разных волнах, и это моя вина. Я пыталась стать той, кем не являюсь. Кем-то, кем думала должна быть просто потому, что ты мне нравился.

Я слышу, как Джеймс дышит на другом конце линии — несомненно, он до сих пор в шоке от слова «трахнул».

— Я... не знал...

— Ты никогда не будешь знать, Джеймс. Ты милый, добрый и нежный. А я... ну, я не такая. И, вероятно, никогда не буду, — как же хорошо произнести эти слова, наконец-то иметь возможность сказать правду, и я нисколько не сожалею об этом.

Джеймс тяжело вздыхает от удивления.

— Ты говоришь... говоришь мне, что все... кончено?

— Я говорю тебе, что для меня это в действительности никогда и не начиналось. Мне жаль, Джеймс. Прощай.

Я вешаю трубку и сажусь на кровать, переводя дух и обхватив голову руками, чтобы унять головокружение. Полагаю, с одной проблемой покончено.

Хотя я одета как умная, уверенная в себе женщина, знающая, что она делает, я затрачиваю на работе столько умственных усилий, производя расчеты и рассматривая больше перспектив, чем военный стратег. Я отправляю стажера принести мне очередную порцию двойного латте-эспрессо и заставляю двух членов команды в точности рассказать план работы и перечислить всех вовлеченных в это мероприятие людей, проверив все, как минимум, три раза. Да, я еще та стерва, но если и существует один день, когда мне официально разрешено ею быть, то сегодня определенно он. Позже у меня будет время для извинений.

Я должна чувствовать себя хуже в отношении Джеймса — намного хуже — но правда заключается в том, что прямо сейчас у меня слишком много других забот, чтобы переживать еще и по этому поводу. И, возможно, какая-то часть меня испытывает облегчение оттого, что все закончилось.

Я так увлеклась печатанием текста подтверждающих приглашений и их отправкой, что едва замечаю нависшую как темное облако тишину в офисе, обычно полном разговоров. Я игнорирую это, но когда до меня доносятся приглушенные голоса и подавляемые вздохи, то поворачиваюсь, ожидая увидеть за окном какую-нибудь надвигающуюся на нас серьезную

катастрофу.

Вместо этого всеобщее внимание сконцентрировано на входе в офис, где, засунув руки в карманы, стоит мужчина. Джакс.

Я замечаю около полудюжины самых уверенных девушек, непринужденно направляющихся в его сторону. Он одаривает их своей улыбкой и что-то говорит, отчего они смеются. Каким-то образом ему удастся отвести от них взгляд и увидеть меня. Он указывает девушкам на меня, и ему приходится практически отбиваться от них, словно от банды грабителей.

Я встаю и направляюсь к нему.

— Что происходит? — спрашиваю я громким шепотом.

— Я хочу поговорить с тобой, — отвечает Джакс, беря меня за руку и выводя из офиса. Я дергаюсь и отступаю обратно, говоря ему, что у нас будет достаточно времени для разговоров, как только я покончу с самым грандиозным мероприятием за всю свою карьеру, но то, как все смотрят на нас и решительный взгляд Джакса заставляет меня передумать.

Мы выходим в коридор, и я оглядываюсь на стоящих позади женщин, которые тарачатся на нас сквозь стеклянные двери. Я отхожу чуть дальше, покидая поле их зрения, скрещиваю руки на груди и смотрю на Джакса с выражением нетерпения — надеюсь, он это понимает.

— Сейчас не самое лучшее время, Джакс. Поверь, я тоже хотела бы поговорить, но, вспомни, сегодня у меня мероприятие. Если ты думаешь, что я склонюсь к быстрому перепаху в туалете или воссозданию прошлой ночи на заднем сиденье твоего автомобиля, то ты ошибаешься. Просто нет. Я стерва сегодня для всех. И для тебя в том числе.

Я знаю, что веду себя, как сумасшедшая, но виной тому не только стресс на работе. Это чувство вины за то, что я набросилась на него вчера, и за то, как грубо рассталась с Джеймсом этим утром. А еще меня переполняет разочарование от осознания того, что между мной и Джаксом ничего не может быть, даже если я теперь снова свободна. Вдобавок ко всему, этот самоуверенный взгляд на его лице только еще больше приводит меня в ярость.

Джакс медленно кивает и смотрит в сторону, будто я только что дала ему пощечину.

— Вау, ты, безусловно, хорошо справилась со своей задачей, — говорит он с ухмылкой, которая дает понять, что он шутит. — И у «Феррари» нет задних сидений. Нам пришлось бы заняться этим на капоте.

— Справедливое замечание, — говорю я, пытаюсь слегка улыбнуться, но для его шуточек совсем нет настроения, — но я возвращаюсь к работе.

Я пытаюсь прогнать свое раздражение. Все тот же Джакс. Те же подкаты. Он никогда не изменится. Прекрасно знаю, что принимаю все слишком близко к сердцу, но ничего не могу с этим поделать. Сейчас не время.

Я отворачиваюсь и начинаю идти по коридору, но Джакс хватает меня за руку и осторожно притягивает обратно к себе.

— Пожалуйста, подожди, — говорит он с искренней серьезностью в голосе, что чрезвычайно редко в его случае — такое ощущение, что передо мной совсем другой человек. — Я пришел... я думал, что...

Что-то новенькое. Безусловно, новое. Как только я смотрю ему в глаза, то понимаю — Джакс выглядит так, словно пытается быть честным. Или, по крайней мере, пытается это показать. Полагаю, у него столько методов подката, что мне еще даже не выпало шанса лицезреть их все.

— Ну?

— Я хотел сказать... ты мне нравишься, — наконец-то говорит он. Джакс смотрит на меня с умоляющим выражением лица.

Не могу поверить, что он выдернул меня с работы ради того, чтобы поиграть в игры с моим разумом. Неужели он в самом деле ожидает, что я поведу на это? В конце концов, он сам обучал меня. Кто я? Его личная секс игрушка по вызову? Вот чего я добилась, кинувшись в его объятия вчера?

Я не могу остановить гнев, вырывающийся из меня прямо сейчас.

— *Какая* я тебе нравлюсь? Ты имеешь в виду, я нравлюсь тебе прижатой к стене в туалетной кабинке? Или склоненной над раковиной, чтобы ты мог видеть мои сиськи в зеркале? Или отсасывающей тебе в том дурацком автомобиле, который ты водишь?

Он отрицательно качает головой.

— Я не это имел в виду.

Он выглядит искренне застигнутым врасплох, и внезапно мне становится стыдно. Почему я так беспощадно набросилась на него?

— Боже мой, прости, — говорю я. — Черт. Ты мне тоже нравишься, Джакс. Но сейчас у меня не самое лучшее время. Прошлой ночью это было разово, ладно? Не возобновление нашей предыдущей... неважно. У нас все круто. Мы потусим. Поболтаем. Все хорошо. Не переживай по этому поводу, — говорю я, предпринимая попытку шагнуть в сторону офиса.

— Нет, — говорит Джакс, не позволяя мне уйти. — Я имею в виду, ты мне нравишься. Сильно. Я хочу, чтобы ты была моей. Я хочу, чтобы мы встречались. Хочу, чтобы ты была моей девушкой. Никаких договоренностей. Просто мы.

Несколько секунд я смотрю в его глаза, а затем опускаю свой взгляд в пол. Они слишком убедительны. Слишком откровенные. Чересчур честные. В такие глаза я с легкостью могу влюбиться. Боже, он в этом хорош. Маэстро обмана.

Я кладу руку на его грудь.

— Джакс... я не знаю, что происходит, но уверена, что ты забудешь этот момент... независимо от того, что я скажу.

— Это не так, Лиззи. Это по-настоящему.

И в этот момент я понимаю: он говорит правду.

Но это не важно, поскольку передо мной Джакс Уайлдер. Я прекрасно знаю, что он может предложить мне, и этого недостаточно. Отношения — это намного больше, чем горячий секс и развлечения, и этот мужчина не может дать мне то, в чем я нуждаюсь. Я была бы идиоткой, если бы считала иначе.

Я наклоняюсь к нему, понизив голос.

— Ты в самом деле пытаешься заставить меня сделать это? Действительно хочешь, чтобы я привела тебе тысячи причин, почему из этого ничего не выйдет?

Джакс отрицательно качает головой и стискивает челюсти, но его глаза по-прежнему остаются широко открытыми и умоляющими, как у человека, обращающегося с просьбой о пересмотре дела после вынесенного приговора.

— Мы так прекрасно ладим. Мы понимаем друг друга. Как ты можешь не признавать этого? Секс находится вне этого мира, как бы хорош он ни был — поверь мне, уж я-то знаю — но я не это имею в виду. Между нами существует что-то настоящее, и я не хочу потерять это.

Мне бы хотелось просто согласиться с ним, чтобы мы смогли убежать вместе в закат, но

я не позволю себе с головой окунуться в очередные заранее обреченные отношения. Я знаю, что мне нужно, и не соглашусь на меньшее. Даже если это касается невероятно сексуального, потрясающе одаренного мужчины.

— Дай мне свой телефон.

Джакс откидывает голову назад, словно уклоняется от удара.

— Что? Зачем тебе мой телефон?

Я протягиваю руку.

— Ты хочешь встретаться со мной? Дай мне свой телефон.

Медленно, с совершенно озадаченным взглядом он вытаскивает свой телефон и кладет его в мою руку.

— Ладно, — говорю я, — давай посмотрим. Ничего себе. Я даже не знала, что телефоны могут сохранять так много контактов. Ах! «Вторник Блондинка»... ты трахаешь ее каждый вторник или это просто означает, что ты познакомился с ней в этот день?

Джакс переминается с ноги на ногу, как школьник, попавшийся за курением травки.

— Она в баре каждый вторник.

— «Елена (бондаж)» — довольно ясно, еще одна. «Мишель Минетчица». Неплохо. «Сквирт Сюзанна». Ну, это обязательно надо принять к сведению. «Тугая Стройная Задница» — даже нет имени, да? «Лана (Бэтмэн)»?

Джакс краснеет и начинает шаркать ногой.

— Ей нравился я... ох... в образе Бэтмэна.

— Ух ты. Идем дальше. «Черная супермодель 4», «Азиатская танцовщица 2». Ох, мне нравится, как ты записал «Дебора с двумя (д)» — сомневаюсь, что это ошибка. «Кэлани с родинкой на заднице» ... видишь, у меня даже имя не такое уж *вполне* запомин...

— Ладно, я понял, — говорит Джакс, почти испытывая физическую боль от смущения.

Я слегка смеюсь — даже я не могу выдержать вид кривящегося от стыда Джакса.

— Вот об этом я и говорю. Когда в последний раз ты был моногамен, Джакс?

Следует долгое молчание, которое говорит лучше всяких слов.

— Я не помню.

— Поскольку ты, вероятно, никогда и не был.

Джакс прекращает морщиться и пристально смотрит мне в глаза. Я бы хотела вновь устремить свой взгляд в пол, но этот мужчина полностью завладел моим вниманием, как притягивающий луч прожектора.

Он тяжело вздыхает.

— Я все это знаю. Знаю, что это страшно. Знаю, ты боишься, что тебе причинят боль. Но я также знаю, что ты тоже что-то чувствуешь ко мне. Знаю, что каждый импульс моего тела направлен на тебя. Знаю, что ты уже изменила меня, и я попытаюсь, — он выхватывает телефон у меня из рук и машет им. — Я не могу изменить это. Прошое и будущее — совершенно разные вещи, Лиззи.

Он смотрит на телефон в руке и затем бросает его на пол, разбив экран. Как будто это что-то изменит.

Я закрываю глаза. Отчасти потому, что не могу смотреть на него, а отчасти потому, что близка к тому, чтобы заплакать.

— Только то, что ты видишь разницу между этими вещами, Джакс, еще не означает, что все получится.

— Но время покажет, так что дай мне шанс. Пожалуйста.

Я качаю головой, пытаюсь заглушить звук его голоса.

— Я просто не могу поверить тебе, Джакс. Прости. Я знаю, что это причинит мне боль... ведь это уже...

— Лиззи! — доносится визгливый женский голос от входной двери. Линда выходит в коридор с взволнованным выражением на лице, которое сразу же озаряется улыбкой, как только она видит Джакса. — Привет, — говорит она ему в слишком девичьей манере для женщины ее возраста, прежде чем нацепить суровое выражение лица и направиться ко мне.

— Дай мне еще минутку, Линда, — говорю я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

— Не могу, милая. Даже твой бойфренд не важнее этого, — она замечает осколки разбитого телефона на полу и прищелкивает языком, глядя на Джакса. — Надеюсь, он застрахован, — она поворачивается ко мне. — Элизабет, *сейчас же*.

Я смотрю на нее с разочарованием.

— Что? Что такое?

— Дело в нашей гламурной голливудской знаменитости. В том, на чье свидание присутствующие жены миллиардеров будут претендовать. Он только что зарегистрировался на лечение в реабилитационной клинике.

— Сразу же после мероприятия? Мы же все еще сможем представить его, да?

Линда отрицательно качает головой.

— *Нет*. Видимо, он там с утра, а его агент наконец-то набрался храбрости, чтобы сообщить нам об этом три минуты назад.

Я чувствую, что кровь отливает от моего лица, а в животе появляется щемящее чувство.

— Черт побери!

— Точно. Так что мне делать? — спрашивает Линда. — Нам срочно нужен кто-нибудь, кто займет его место, и у нас на это около пяти часов.

Я крепко зажмуриваю глаза, надеюсь, что если хорошо сконцентрируюсь, то смогу повернуть время вспять, или что, возможно, когда открою их, то все это окажется сном.

— Предоставь это мне.

Голос Джакса прорывается сквозь черную пустоту, в которую я погрузилась, словно протягивая мне палочку-выручалочку.

— Ты сможешь найти нам известного голливудского актера за пять часов? — медленно спрашиваю я.

— Я не говорю, что это будет легко, но я сделаю это.

Я хватаю его за лацканы пиджака, прекрасно понимая, что мой голос звучит безумно.

— Пожалуйста, Джакс. Не шути со мной. На кону моя карьера, моя *жизнь*. Не давай обещаний, которых не сможешь сдержать.

Джакс смотрит на меня так, словно пытается проникнуть в потаенные глубины моей души.

— Я не даю обещаний, которых не могу сдержать.

Глава 9

Джакс

Мое сердце колотится в груди, как бас-барабан в группе, исполняющей хэви-метал. Конечности словно пронизаны тонкими проводами, по которым проносятся разряды электроэнергии. Я бегу по лестнице здания, где работает Лиззи, игнорируя крики случайных женщин, пытающихся врезаться в меня, и мчусь на улицу. Запрыгнув в автомобиль, кладу руки на руль и пытаюсь отдышаться.

Голливудская звезда. Свободный и готовый быть проданным с аукциона сегодня вечером. Существует миллион возможных причин, по которым мои отношения с Лиззи могут закончиться. Но что это будет зависеть от моих связей и знакомств — такого я ожидал меньше всего. Честно говоря, было бы проще, если бы знаменитость не должен был быть мужчиной.

Раньше я думал, что пять часов — это довольно длительный срок. Именно столько примерно длились большинство моих отношений в прошлом — ты с легкостью можешь уложиться в пять часов, если знаешь, что делаешь. Но когда пытаешься найти, встретиться и договориться о том, чтобы крутой актер потратил прилично времени и сил — такое чувство, что каждая минута на счету.

Я ломаю голову, прижав пальцы к вискам и пытаюсь вспомнить хоть кого-то, как будто выжимаю мысли из головы. Это ЛА, и я трахнул здесь довольно весомый процент женщин. Должна же быть хоть какая-то связь. Я даже не могу сосчитать, сколько раз слышал, как девушки говорили, что переспали с каким-нибудь парнем из сериала, или что у них отношения с актером из популярного фильма. Тем не менее, в ЛА еще и полно хвастунов.

Я торможу у ближайшего магазина Apple, и, несмотря на длинную очередь, мне удастся купить совершенно новый телефон меньше чем за двадцать минут (мои контакты восстановлены, но это не уменьшает значимости моего разбитого во имя Лиззи телефона).

Как только выхожу на улицу, вытаскиваю новый аппарат и начинаю просматривать список контактов, надеясь, что одно из имен пробудит мою память, но они лишь напоминают, как разочарованная Лиззи зачитывала мне их, и я начинаю задумываться о том, что она сделает, если я подведу ее. Она просто оценит попытку помочь? Волнует ли ее вообще, что я выручу ее? А что, если она сама найдет лучшую звезду? Возможно, мне просто необходимо придумать, как я извинюсь и все улажу. Черт, возможно, я просто должен перестать думать о Лиззи, и этот путь — быстрый, болезненный путь — является лучшим выходом. Да, точно.

Черт, Джакс, сосредоточься!

На автомате я начинаю набирать номер Брандо.

— Привет, чувак.

— Послушай, Брандо. Мне очень нужна твоя помощь.

Я слышу нежные поцелуи на заднем плане, и знаю, что это Таша — у нее даже поцелуи звучат с акцентом.

— Если для этого мне нужно встать с кровати и уехать от этой сексуальной цыпочки, тебе чертовски не повезло, чувак, — отвечает он, и я слышу усмешку в его голосе.

— Я серьезно. Мне очень нужна кое-какая помощь прямо сейчас, приятель.

Брандо наконец-то замечает отчаяние в моем голосе, и я слышу, как он отпихивает Ташу в сторону.

— Что случилось?

— Мне нужен актер, входящий в список лучших актеров Голливуда — кто-то красивый, нравящийся дамочкам — и он нужен мне для участия в благотворительном мероприятии примерно через пять часов. Чтобы выставить на аукционе свидание с ним.

— Какого хрена...

— Объясню позже, прямо сейчас мне просто нужно разобраться с этим. Ты знаешь кого-нибудь?

Я почти слышу, как крутятся ржавые шестеренки в голове Брандо.

— Я даже не знаю, кто первый приходит мне на ум. Я знаю несколько актрис...

— Нет. Это *должен* быть парень. Он должен быть красивым, и ему необходимо присутствовать на *сегодняшнем* мероприятии. Через пять часов. Мне просто нужны связи, зацепка, хоть что-нибудь.

— Ладно, ладно. Остынь, чувак. Давай я сделаю несколько телефонных звонков и перезвоню тебе.

Я вешаю трубку и сразу же звоню Люси. Когда сажусь в свой «Феррари Тестаросса», то переключаюсь на блютуз-гарнитуру и, лавируя по дорогам ЛА, слушаю гудки.

— Привет, Джакс. Ты собираешься приехать сегодня? Дентоны здесь.

— Я не могу. Но мне нужно огромное одолжение.

— Гхм, ох.

— Парень, которого мы собирались выставить на аукционе сегодня вечером, ну, тот сексуальный актер. Он свалил. Нам нужна замена — *быстро*.

— погоди... разве это наша проблема? Разве это не Лиззи...aaa! Понимаю.

— Пожалуйста, Люси, у меня нет времени на это. У меня всего пять часов, чтобы кого-то найти. Ты знаешь кого-нибудь? Знаешь чьего-либо брата? Сестру? Племянницу? Наркоторговца? Мне просто нужно хоть что-то.

Молчание, во время которого я слышу, как Люси накручивает вьющиеся волосы на палец.

— Я не знаю, Джакс.

— Пожалуйста, Люси. Я знаю, что это звучит смешно, что прямо сейчас ты осуждаешь меня, что жаждешь прочитать мне лекцию, но мне это важно.

— Послушай, если ты действительно нравишься Лиззи, тогда она не будет обижаться, если ты не сможешь...

— Нет. Нет, Люси. Я выполню это. Хватит. Ты можешь либо помочь мне, либо нет. Я не буду иметь к тебе никаких претензий — но я выполню это.

Очередное молчание, и я слышу, как Люси тяжело вздыхает.

— Ладно. Кажется, у меня есть подруга знакомого. Визажист на некоторых фильмах. Я позвоню ей.

— Спасибо. Спасибо. Спасибо. Я люблю тебя, Люси.

— Ага, ну, я люблю чизкейк, но не думаю, что он отвечает мне взаимностью.

Я нажимаю кнопку на гарнитуре, заканчивая звонок, и фокусируюсь на вождении. В Беверли-Хиллз есть бармен, который, несомненно, знаком с некоторыми известными людьми — и уверен, имеет на них какой-нибудь компромат.

Я направляю мысли о Лиззи на задворки своего сознания, но почему-то они соскальзывают немного ниже, и я возбуждаюсь от идеи, что справлюсь с задачей несмотря ни на что. К счастью, Брандо прерывает меня, когда я по забывчивости чересчур сильно гоню на «Феррари», привлекая излишнее внимание — даже в этой части ЛА.

Я слушаю звук его нью-йоркского акцента, ревушего в моих динамиках. Раньше я никогда не был так счастлив услышать его голос.

— Дружище, — говорит он торжествующе, — Малибу, прямо сейчас.

— Ты кого-то нашел?

— Я никогда не разочаровываю, чувак. Это мой девиз.

— Кого?

— Представь себе, Джеймса Бонда.

Я подпрыгиваю на своем сидении, чуть не повернув свой любимый «Феррари» на встречную полосу.

— Не шути со мной, Брандо.

— Никаких шуток, чувак. Джеймс чертов Бонд.

— Тот, что снялся в фильме прошлого года?

— Гхм... нет, не тот.

— Тот, что из фильма с песней Тины Тёрнер?

— Нет...

— С песней группы Duran Duran?

— Ах... как назывался фильм с автомобилем, превращающимся в подводную лодку?

— Господи, Брандо! Этот парень старше, чем большинство миллиардеров на мероприятии! Женщины хотят пойти на свидание с парнем, который не настолько стар, чтобы годиться им в отцы.

— Эй, да ладно тебе, дружище! Я сделал все возможное!

Мне требуется минута, чтобы успокоиться.

— Прости. Но все должно пройти по высшему уровню. Слушай, спасибо, но нет. Поговорим позже, у меня звонок на другой линии. Сообщи мне, если найдешь кого-нибудь еще.

Я обрываю звонок с Брандо. Мне жаль, что я вел себя с ним, как придурок — но если и существует время, когда я могу позволить себе такое, то это прямо сейчас. Я нажимаю кнопку на руле, чтобы ответить на очередной звонок по громкой связи, выливая свое нарастающее беспокойство в еще несколько тысяч оборотов ревушего движка машины.

— Джакс? — это снова Люси.

— Пожалуйста, скажи, что у тебя хорошие новости для меня.

— Да. Но есть также и плохие новости.

— Какие?

— Моя подруга, работающая визажистом, говорит, что ее шансы заполучить популярную знаменитость равны примерно тому, чтобы заставить их вспомнить ее имя, т. е. нулю.

Мой пульс учащается — скорее всего, у меня появятся седые волосы к тому времени, как я лягу сегодня спать.

— А хорошие новости?

— Ну, — начинает Люси, — мне пришла в голову идея.

— Продолжай.

— Ну, помнишь, я упомянула тебе, что Дентоны здесь весь день?

Я люблю свой автомобиль. Он быстр, отзывчив и издает адский звук. Когда я жму по тормозам и резко поворачиваю руль, он разворачивается на сто восемьдесят градусов с проворной элегантностью и утонченной точностью дикого животного. Я жму на газ, двигатель ревет, и четыреста с лишним лошадиных сил вжимают меня в спинку сиденья, словно я отправляюсь в путешествие на Луну.

— Больше ничего не говори, Люси, я уже в пути.

Здание вырисовывается в поле зрения со всей неизбежностью свидания с судьбой (и у меня было несколько свиданий с девушками по имени Дестини). (*Примеч. Дестини в переводе с англ. — «судьба»*). Поставщики и организаторы вечеринки уже вовсю суетятся на месте; установка сцены и подготовка к грандиозному событию в самом разгаре. Они одеты лучше и немного более официально, чем рабочие, к которым я привык — но их настрой отражает мой собственный.

Оглядываясь по сторонам, я бегу ко входу в надежде найти Люси или голливудского экстраординарного продюсера, мистера Дентона. Вместо этого вижу единственного человека, способного мне помочь, но с которым я *не* хочу видеться.

— Джакс! — на мгновение она выглядит удивленной, а затем ее привычное пожирающее мужчин выражение лица появляется снова.

— Джеки...простите, миссис Дентон. Ваш муж случайно не здесь?

— Мой муж? — она выпрямляется во весь рост, отводит голову назад и выпячивает свои силиконовые сиськи. — А я недостаточно «важна» для тебя?

Прекрасно. Она все еще огрызается. Я решаю постараться изо всех сил, поэтому улыбаюсь и позволяю ей поймать меня за разглядыванием ее силиконовых сисек, выпрыгивающих из леопардового платья.

— Это адский наряд.

Она смотрит на меня сквозь ресницы в стиле Бетти Буп.

— Повтори.

Я с трудом сглатываю. Эта женщина казалась довольно пугающей, когда я ничего *не* хотел от нее. Теперь же, когда мне нужна ее помощь, она чертовски ужасающая.

— Я сказал, что вы выглядите как настоящая тигрица в этом платье.

Улыбка, которой она одаривает меня, может быть смело перенята водевильными злодеями.

— В прошлый раз, когда я дала тебе шанс польстить, Джакс, ты довольно грубо отказал мне. Тебе что-то нужно, да?

Есть кое-что, что я люблю больше всего в зрелых дамочках, но в той же мере и ненавижу — они сразу переходят к сути.

— Да. Вообще-то.

— Ну, тогда мило попроси меня.

Я оглядываюсь, надеясь найти мистера Дентона или Люси поблизости, чтобы все стало

намного проще, но вижу лишь людей в вечерней одежде, суетящихся повсюду.

— Актер, которого собираются выставить сегодня на аукцион, не сможет присутствовать. Мне нужна голливудская звезда, чтобы заменить его. Я предположил, что раз мистер Дентон такой известный продюсер...

Миссис Дентон цыкает и качает головой, выжимая мое отчаяние до последней капли.

— Хочешь, чтобы я помогла тебе? Мы и так уже позволяем тебе провести это мероприятие здесь, Джакс. Мы не можем и организовывать его для тебя.

Существует дразнящая нотка в ее мурлыканье. Она намеревается поднажать, но не вся власть в ее руках. Сейчас начнется торг, но я должен быть осторожным, ведь если она попросит единственное, в чем я не смогу ей уступить, поскольку от этого будет зависеть мое будущее с Лиззи, то все превратится в погоню за несбыточным.

— Мне просто нужен контакт, номер, знакомство. Я готов на все, — она оглядывает меня с головы до ног, как будто я уже выставил себя на торги. Я поднимаю руки вверх, останавливая поток ее мыслей. — Но я не могу сделать именно это. Однако очень нуждаюсь в помощи. Я прошу из-за девушки. Именно эта девушка стала причиной, по которой я отказался отлично провести с вами время в прошлый раз.

Она смеется.

— Ну, если ты не предлагаешь себя, Джакс, тогда что ты предлагаешь? Вообще-то это практически все, что ты имеешь, милый.

— Что угодно, миссис Дентон. Назовите что. Я спроектирую вам другое здание, познакомлю вас с парнем еще лучше, чем я. Черт возьми. Я надену платье и спою вам песню «С днем рождения», если захотите. Просто скажите что.

Она ехидно улыбается и смотрит мне через плечо.

— Твой автомобиль. Я хочу твой автомобиль.

Я оглядываюсь, словно «Феррари» уже потерял.

— Нет. Я купил его на заработанные деньги от первого построенного мною здания. Этот автомобиль провозил меня по всей Америке. Для вас это просто автомобиль, миссис Дентон, а для меня единственная сентиментальная вещь, которой я владею. Это мое воспоминание, мой памятный альбом. Это словно отдать вам часть меня. Только не «Феррари», миссис Дентон. Пожалуйста.

Она крепко стискивает накаченные силиконом губы.

— Ты сказал, назвать что угодно. Либо автомобиль, либо никакой сделки.

Тут даже нет выбора, когда все сводится к этому.

Глава 10

Лиззи

— Лиззи! — кричит очередная расфуфыренная привилегированная мадам, пока я пытаюсь пробежать сквозь толпящихся гостей приема настолько изящно, насколько это возможно в моем шелковом вечернем платье.

— Привет! — улыбаюсь я в ответ, надеясь не задерживаться, но мои надежды рушатся, когда она встает передо мной.

— Это замечательное мероприятие! Такое *необычное*! Я понятия не имела, что здесь находится это здание, хотя мы живем поблизости!

— Его недавно достроили, — отвечаю я, надеясь, что она поймет намек и позволит мне уйти.

— Ну, здесь реально есть на что посмотреть. Кто бы ни создал его, он, безусловно, талантлив.

Образ Джакса мелькает у меня перед глазами, и я, нахмурившись, отбрасываю его прочь.

— Так и есть, но он не слишком надежен. На вашем месте я бы не стала заказывать ему строительство, если, конечно, у вас нет уймы времени.

— Да ты что? — спрашивает она, прижимая руку к морщинистой шее, и наклоняется вперед, словно собирается поведать мне сплетню. — Расскажи, что произойдет на аукционе сегодня? Я бы положила глаз сама-знаешь-на кого, — хихикает она.

— Ах...вам нужно встать в очередь. Это сюрприз! — отвечаю я, смеясь в надежде, что она поведется на это.

— Ладно, — отвечает она, — надеюсь, что не разочаруюсь.

Я вежливо киваю и ухожу.

— Мне нужно проконтролировать организацию питания.

У входа в кухню меня останавливает Линда.

— Половина шестого, Лиззи. Похоже, твой парень бросил нас на произвол судьбы.

— Он не мой гребаный парень, — шиплю я со злостью, скопившейся во мне за несколько часов. — Он настолько далек от того, чтобы быть моим парнем, насколько это возможно. Если представить, что мой парень здесь, — я вытягиваю в сторону левую руку, — то этот ублюдок здесь, — я вытягиваю правую. — Честно говоря, если когда-нибудь увижу его снова, то я...

Меня прерывает свист, сменивший болтовню гостей. Я смотрю туда и вижу, как все оборачиваются, и начавшиеся легкие аплодисменты перерастают в бурные овации.

Линда неуклюже залезает на стол и призывает меня присоединиться к ней. Я приподнимаю подол своего длинного платья и взбираюсь на стол рядом с ней, надеясь, что никто не болтается поблизости и не увидит мои трусики.

— Так что, говоришь, собираешься сделать с ним? — спрашивает Линда с ухмылкой.

Это Джакс, и в смокинге он выглядит потрясающе. Так превосходно, что я могла бы слизать с него одежду. Мне требуется несколько секунд, чтобы заметить рядом с ним парня в белом смокинге — актера из фильма о супергерое, который был лидером проката на протяжении последних трех месяцев. Каждый гость вечеринки смотрит на него в восхищении, а он кивает и машет им в знак признательности, одаривая всех фирменной натянутой улыбкой — в стиле звезд Голливуда.

Линда ахает.

— Это?..

— Да, это Джакс, — отвечаю я, прерывая Линду.

— Не он, а парень рядом с ним! Как, черт возьми, ему удалось уговорить его прийти? Они родственники? Боже, я едва могу различить их. Мы можем выставить на аукцион и Джакса.

Взгляд Джакса встречается с моим, и я улыбаюсь. Мне бы хотелось сделать что-нибудь еще — иногда улыбки слишком мало. Иногда ты настолько ошеломлен, что тебя переполняют эмоции, иногда тебе хочется сделать нечто большее, чем просто улыбнуться, но прямо сейчас этого достаточно. Джакс улыбается в ответ и кивает, а затем переводит взгляд на что-то позади меня, и его лицо мрачнеет.

Я оборачиваюсь и вижу Джеймса, одетого в темный костюм и направляющегося в мою сторону. В руках у него букет красных роз, и он хорошо выглядит — вообще-то даже великолепно — но я не могу поверить, что он пришел. Хотя сама же не переставая и говорила об этом мероприятии на протяжении многих дней, но не приглашала его (мы решили, что ему это не интересно, и что вечеринка закончится слишком поздно, а утром ему рано на работу). А после нашего расставания этим утром я думала, что больше его не увижу и не услышу.

Но прямо сейчас он здесь и улыбается мне. С дюжиной красных роз и извинением в глазах. Суть в том, что мне не нужны извинения. Я не хочу Джеймса. Я хочу Джакса.

Я поворачиваюсь обратно к Джаксу, но вижу сквозь толпу его спину, стремительно удаляющуюся в сторону выхода. Он уходит.

— Джакс! — кричу я, но он не слышит меня из-за гула голосов в помещении, а лишь удаляется, и за массой движущихся тел я с каждой секундой все больше теряю его из виду.

Я слезаю со стола, игнорируя Джеймса, стоящего поодаль с обескураженным выражением лица, и отчаянно пробираюсь сквозь толпу. Джакс, должно быть, что-то почувствовал, поскольку останавливается в коридоре и оборачивается, а я огибаю последнюю группу людей, стоящих у меня на пути, и налетаю на него.

— Джакс, подожди. Куда ты идешь? Ты же только что пришел.

— Похоже, ты в полной боевой готовности перед сегодняшним вечером, — говорит он, — а я только что заключил сделку с дьяволом для его финала. Увидимся. Удачи с аукционом.

Я хватаю его за руку и тяну ее.

— Но я не ... я рассталась с Джеймсом этим утром.

Мгновение он пристально смотрит на меня, осмысливая мои слова.

— Серьезно?

Я решительно киваю.

— Да. Полагаю, он приехал извиниться, но в любом случае это не важно, поскольку дело в том... проблема в том... — по какой-то причине я мямлю. Почему так трудно сказать то, что я чувствую? — Я не хотела его. Я хочу тебя. Я имею в виду, что тоже хочу быть с тобой. Возможно, у нас получится.

Он берет меня за руки и смотрит в глаза. Если между нами когда-нибудь мог возникнуть момент, где слова не нужны, то это он.

Наши лица сближаются, и мы целуемся. По ощущениям этот поцелуй, словно первый — в какой-то мере так и есть. Поскольку он что-то значит. Такой поцелуй вы дарите человеку, который важен для вас. Он медленный, нежный.

Мы медленно отстраняемся друг от друга, и, едва придя в себя от блаженства, я беру

Джакса за руку и увожу его от людей — подальше от шума и аукциона, который вот-вот начнется.

Я веду его, пока мы не оказываемся вне поля зрения окружающих. Пока шум мероприятия не превращается лишь в отдаленный гул. Мы перед бассейном, и огни ЛА маячат за горизонтом холмов. Я поворачиваюсь и смотрю на него.

— Бассейн, — произносит он, его голос мягкий и более мечтательный, чем я когда-либо слышала. — Знаешь, теперь бассейны всегда напоминают мне о тебе.

Я улыбаюсь.

— Вот почему я привела тебя сюда. А что за сделка с дьяволом, о которой ты говорил?

Он замирает, а затем переводит взгляд на что угодно, но только не на меня.

— Я, хмм... мне пришлось пойти на сделку, чтобы заполучить этого актера для аукциона.

Я прищуриваюсь.

— *Какую* сделку? Надеюсь, это не то, о чем я думаю.

Джакс тяжело вздыхает.

— Помнишь ту ночь в «Феррари», когда мы любовались огнями ЛА, и я обучал тебя, как с большим потенциалом использовать свой рот?

— Да... — мой тон становится ледяным.

— Ну, у нас больше этого не будет. Я имею в виду, пока не приобрету новый «Феррари». Требуется секунда, чтобы до меня дошел смысл его слов, и моя челюсть отвисает.

— Что? Ты расстался с «Тестаросса» ради... ради меня?

Джакс лишь кивает.

— Но ты же любишь этот автомобиль. В этом автомобиле — весь ты. Он для тебя все.

— Не все, — говорит он, притягивая меня к себе. Джакс пристально сморит мне прямо в глаза, и я не могу отвести взгляд.

В воздухе витает таинственность. Приятная таинственность. Такую чувствуешь, когда делаешь что-то впервые. Таинственность открытия чего-то большего, захватывающего и нового.

Я открываю рот, собираясь что-нибудь сказать, но прежде чем успеваю пробудить свой мозг от опьяняющего блаженства, Джакс обхватывает мое лицо ладонями и касается губами моих губ.

Такое ощущение, что мы целуемся целую вечность. Впервые в своей жизни я чувствую себя цельной. Словно все, что мы чувствуем — едино, словно наши жизни только начинаются. Когда отдаленные разговоры мероприятия становятся громче, а на сцене вспыхивает освещение, мы, преобразенные, отстраняемся друг от друга.

— Итак? — говорит Джакс, пока наши взгляды продолжают то, на чем остановились губы. — Что скажешь? Теперь ты дашь мне шанс?

Я смотрю на его лицо, зная, что это последний раз, когда я вижу его так. В последний раз я вижу его как опасного и неподходящего, как просто потенциально возможного.

Это последний раз, когда я смотрю на Джакса и не могу назвать его своим.

На этот раз ухмыляюсь я.

— Только если теперь настала моя очередь быть учителем.

*** КОНЕЦ ***

Больше книг на сайте - Knigolub.net